

ХОЛМЕСКО-ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМЕСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬ.

Адресъ Редакціи:

Долгая улица № 13, въ зданіяхъ Варшавскаго Каедральнаго Собора при Консисторіи.

Годовая цѣна—5 р. с.

Выходить два раза въ мѣсяць: 1-го и 15-го числа.

ОТДѢЛЪ I.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

I. Награжденіе священника орденомъ св. Владимира 4-ой степени за пятидесятилѣтнюю службу въ санѣ священника.

Настоятель Тышовецкой церкви, томашовекаго уѣзда, Люблинской губерніи, священникъ Іосифъ *Сайковичъ*, по случаю совершившагося пятидесятилѣтія его въ священномъ санѣ, съ Высочайшаго соизволенія, вослѣдовавшаго въ 18 день Іюля сего 1881 года, награжденъ орденомъ Св. Владимира 4-ой степени. (Указъ св. Синода отъ 14 августа сего 1881 года за № 3195.)

2. Назначеніе на законоучительскія вакансіи.

На открывшуюся вакансію законоучителя Варшавской I мужской гимназіи и настоятеля гимназической церкви, по сношенію Его Высокопреосвященства съ г. попечителемъ Варшавскаго Учебнаго Округа, опредѣленъ съ 21 августа сего года б. членъ Таврической духовной консисторіи и наставникъ Таврической духовной семинаріи протоіерей Николай *Софроновъ*. На вакансію законоучителя Петроковской мужской гимназіи назначенъ новоопредѣленный настоятель Петроковской церкви священникъ Стефанъ *Романскій*.

3. Изъ свѣдѣнію духовенства относительно стараго иконостаса и крестовъ съ куполовъ Сувалкской церкви.

По контракту о перестройкѣ православной церкви въ г. Сувалкахъ, старый иконостасъ и кресты съ куполовъ, какъ предназначенныя къ передачѣ въ одну изъ сельскихъ церквей, подрядчикъ обязанъ снять безъ всякаго поврежденія и сдать тому лицу, которое будетъ указано губернаторомъ. Такъ-какъ Сувалкская церковь перестройкою окончена и уже освящена; то Сувалкскій губернаторъ просилъ Холмско-Варшавскую Консисторію увѣдомить его, въ какую изъ сельскихъ церквей Сувалкаго благочинія можетъ быть переданъ оставшійся старый иконостасъ и кресты съ куполовъ, и затѣмъ сдѣлать распоряженіе о пріемѣ этихъ вещей священникомъ той церкви, въ которую онѣ имѣютъ быть переданы. Вслѣдствіе сего Епархіальнымъ Начальствомъ постановлено: О содержаніи отношенія Сувалкаго губернатора объявить въ Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ съ тѣмъ, чтобы настоятели церквей, нуждающихся въ иконостасѣ и крестахъ на куполы, донесли о томъ Консисторіи.

4. Благодарность Епархіальнаго Начальства за попеченіе о благоустройствѣ церкви.

Прихожане Сѣдлецкой церкви, Замостьскаго благочинническаго округа, по приглашенію своего настоятеля священника Іакова Сыроѣдова, пожертвовали на устройство мозаичческаго пола въ своей приходской церкви болѣе 500 рублей. Предпринятое дѣло приведено въ исполненіе варшавскимъ мастеромъ Иваномъ Патриціо и обошлось въ 536 руб. 30 коп.

По донесеніи о томъ Его Высокопреосвященству, Епархіальнымъ Начальствомъ постановлено: Настоятелю Сѣдлец-

кой церкви священнику Якову Сырофодову за его пастырскую заботливость о благоустройствѣ храма Божіи, выразившуюся въ привлеченіи своихъ прихожанъ къ значительнымъ по ихъ состоянію, пожертвованіямъ въ пользу церкви, объявить благодарность Епархіальнаго Начальства. При чемъ рекомендовать настоятелямъ другихъ церквей Холмско-Варшавской Епархіи, чтобъ и они, подобно священнику Сырофодову, заботились объ удовлетвореніи церковно-строительныхъ потребностей въ своихъ приходахъ мѣстными средствами, такъ-какъ отпускаемый изъ казны церковно-строительный капиталъ не только на текущій, но и на будущій 1882-й г., уже весь распределенъ на самыя необходимыя церковно-строительныя потребности Холмско-Варшавской Епархіи.

ОТДѢЛЪ II.

Нязь В. А. Черкасскій и холмскіе греко-уніаты.

Продолжаемъ прерванные нами разсказы о дѣятельности кн. Черкаскаго на пользу холмскихъ греко-уніатовъ.

Въ предъидущихъ нашихъ очеркахъ¹⁾ изложены отрицательныя мѣры, направленныя къ огражденію греко-уніатовъ отъ чуждыхъ имъ началъ, насильно вторгшихся въ церковный и домашній бытъ ихъ и разстроившихъ всѣ силы ихъ. Приступимъ теперь къ изложенію мѣръ положительныхъ, принятыхъ для оживленія и укрѣпленія духовныхъ силъ этого народа, для возрожденія его въ духъ и потребностяхъ своей религіи и народности.

Мы видѣли (Очеркъ IV), какъ относился кн. Черкасскій къ тому ревнивому усердію, которое въ каждомъ отступленіи греко-уніатовъ отъ уставовъ и каноновъ церковныхъ видѣло интригу, измѣну и настаивало на необходимости „предписать“, „отмѣнить“, „запретить“. Такой способъ измѣненія быта, сложившагося вѣками, казался ему прямо противоположнымъ своей цѣли, ревностію не по разуму, и вызывалъ энергическое противодѣйствіе его всякимъ полицейскимъ мѣрамъ въ дѣлахъ совѣсти и религіознаго чувства.— Мы видѣли такъ же (тамъ же), какъ относился онъ къ предложеніямъ „покончить все разомъ“, по примѣру Бѣлоруссіи. „Начинать съ конца“ онъ признавалъ абсурдомъ. Высочайшая мысль, положенная въ основу реформъ Царства Польскаго въ 1864 году, исключала всякое насиліе естественныхъ законовъ жизни и быта и всякую под-

рисовку во имя наружнаго порядка и спокойствія; существенный способъ къ устраненію зла, исторически сложившагося, она указывала въ оживленіи и развитіи естественныхъ народныхъ силъ—прочныхъ залоговъ общественнаго порядка и спокойствія. Реформа крестьянскаго быта, реформа народнаго образованія должны были служить началомъ цѣлаго ряда реформъ, въ результатѣ которыхъ ожидалось то, чего всегда искала Россія въ Польшѣ — развитіе страны въ согласіи съ государственными требованіями имперіи. Греко-уніатскій вопросъ былъ только частною статьею въ этомъ общемъ вопросѣ; рѣшеніе его находилось въ прямомъ отношеніи къ этому общему основанію, въ которомъ заключалось объясненіе и спеціальныхъ сторонъ его. Возбудить народныя силы, подавленные и истощенныя въ долгой, неравной борьбѣ съ чуждымъ впливомъ, оживить и одушевить ихъ, прояснить въ народѣ сознаніе, воспитать религіозное чувство и совѣсть, значить рѣшить грекоуніатскій вопросъ безповоротно. На этомъ пути, для горсти русскаго народа, въ которомъ не погибли еще преданія родной старины, нѣтъ другого исхода, кромѣ тѣснаго единенія съ великою русскою семьею, съ общерусскою жизнію. Главными силами на этомъ пути служатъ только школа и церковь, при взаимной поддержкѣ другъ друга. Помимо этихъ двухъ силъ не можетъ быть рѣшенъ грекоуніатскій вопросъ. Помимо дружнаго и постояннаго взаимодѣйствія ихъ не можетъ быть правильнаго и естественнаго рѣшенія для этого вопроса¹⁾. Таково было убѣжденіе цѣлаго круга лицъ, которымъ первоначально поручено было исполненіе реформъ въ Царствѣ Польскомъ. Кн. Черкасскій глубже и живѣе другихъ убѣжденъ былъ въ значеніи этого пути; главныя заботы и старанія его въ грекоуніатскомъ вопросѣ направлены были къ тому, чтобы проложить и обезпечить для него этотъ путь.

Нижеслѣдующіе очерки будутъ имѣть предметомъ своимъ дѣятельность кн. Черкаскаго въ отношеніи а) къ народному образованію, — б) къ церковному богослуженію и в) къ церковной проповѣди.

ОЧЕРКЪ V.

Народное образованіе.

Народное образованіе въ предѣлахъ пинѣишней холмской епархіи испытало едва ли не болѣе тяжелую участь, чѣмъ во всѣхъ другихъ русскихъ областяхъ, входившихъ въ составъ польскаго королевства. На небольшомъ пространствѣ и по окраинамъ существовали слѣдующія учебныя заведенія:

¹⁾ Холмско-варшавскій епархіальный Вѣстникъ. 1878, 1879 г.

¹⁾ Путь долгій и трудный, но несомнѣнно и единственно вѣрный.

1) *іезуитская коллегія въ Люблинѣ*, основанная въ 1582 году, преобразованная б. эдукаціонною коммисіей въ гимназію; 2) *іезуитская коллегія въ Красноставѣ*, основанная около 1695 года, преобразованная послѣ изгнанія іезуитовъ въ 1775 году въ обводное (уѣздное) училище (въ 1865 г. перенесено въ г. Холмъ); 3) *іезуитская коллегія въ Брестѣ*, открытая около 1620 года и въ 1745 преобразованная въ обводное училище, существовавшее до 1831 года; 4) *іезуитская коллегія въ Дрогичинѣ*, учрежденная въ 1661 году „не просѣбъ шляхты подляской“ исключительно для Подлясья; послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена въ 1775 г. она передана была піарамъ и существовала до 1831 года; 5) *піарскія школы* (гимназіи) *въ Луковѣ*, открытыя въ 1701 году, перенесенныя въ 1840 г. въ г. Сѣдлецъ; 6) *піарская школа въ Ополѣ*, (люблин. губер.), учрежденная въ 1744 году; 7) *школа коммунистовъ въ Венгровѣ*, учрежденная въ 1712 году и существовавшая до 1831 года; 8) *піарская школа въ г. Холмѣ*, учрежденная въ концѣ 17 вѣка и существовавшая до 1731 года; 9) *филія краковской академіи въ г. Бѣлой*, учрежденная въ 1641 году (въ 1865 году преобразованная въ русскую прогимназію)¹⁾. Кроме того, существовали римско-католическія духовныя семинаріи: 1) *въ г. Яновѣ* подляскомъ, учрежденная въ 1685 году, среди сплошнаго населенія русскаго (закрыта въ 1867 году); 2) въ г. *Красноставѣ*, учрежденная въ началѣ 18 вѣка, такъ же среди сплошнаго русскаго населенія; 3) въ г. *Замостьѣ*, учрежденная въ 1639 г. и такъ же среди населенія сплошь русскаго; 4) семинарія въ г. *Люблинѣ*,²⁾. Для высшаго образованія устроена была въ 1594 году въ г. *Замостьѣ* извѣстнымъ Яномъ Замойскимъ академія по образцу краковской академіи и парижскаго университета (существовала недолго).

При такомъ количествѣ учебныхъ заведеній, существовавшихъ преимущественно для цѣлей католической пропаганды, какими средствами располагало русское населеніе для своего образованія? Никакой школы русской въ этомъ краѣ не было; единственное основанное василіанскими монахами въ Холмѣ училище было только копіей іезуитскихъ училищъ, преподаваніе производилось въ немъ только на латинскомъ и польскомъ языкахъ, по учебникамъ іезуитскимъ. Это училище прекратило свое существованіе въ 1759 году. Какими средствами располагало русское населеніе для образованія своихъ пастырей? Никакими. Со времени брестскаго

¹⁾ *Historia szkół—Łukaszewicza. T. IV, стр. 55, 62, 96, 103, 215, 218, 281.—Zamek Biański — Bartoszewicza. Lwów 1881, стр. 163...*

²⁾ *Łukaszeicz—Historia szkół T. IV, стр. 329.*

собора (1596 г.), представители уніятскаго духовенства часто принимались за устройство семинарій для образованія духовенства, но всѣ эти попытки на первыхъ же порахъ рушились, и до 1759 года во всѣхъ русскихъ областяхъ, входившихъ въ составъ Польши, не было ни одной уніятской духовной семинаріи. Единственными школами для духовенства и народа были школы, существовавшія при церквахъ еще со временъ Владиміра и Ярослава, въ которыхъ церковный дьякъ обучалъ церковному чтенію и пѣнію, преимущественно въ цѣляхъ приготовленія для себя помощниковъ при богослуженіи и кандидатовъ въ церковныя причетники. Эти убогія школы были единственными охранами роднаго языка и родной церковности. Эти же школы служили единственнымъ средствомъ для приготовленія къ духовному сану. Обучившійся церковной грамотѣ и помогая дьячку и пономарю въ церкви и при всѣхъ требахъ церковныхъ, *школяръ* получалъ потомъ мѣсто дьячка, которое открывало ему дорогу на вакансію священника. Духовенство сильно привязано было къ этимъ завѣтнымъ школамъ, крѣпко держалось церковныхъ книгъ, по которымъ училось и воспитывалось, дорожило и своею древнею внѣшностью, рясами и бородами, не смотря на-всѣ насмѣшки и пренебреженіе со стороны противнаго лагеря. Но что могло сдѣлать это темное и угнетенное духовенство для охраны своего народа и вѣры, въ виду такой массы польско-католическихъ школъ, коллегій, семинарій? Не диво, что уже въ половинѣ 17 вѣка ни на Подлясьѣ, ни даже въ Холмщинѣ не видно среди русскаго населенія никого, кромѣ духовенства, крестьянъ и мѣщанъ, и это населеніе съ каждымъ годомъ сокращается отъ переходовъ въ латинство.

Съ 1759 года и этимъ убогимъ русскимъ сплалъ наносится ударъ за ударомъ: въ этомъ году холмскій епископъ Рылло, ревностный слуга Рима и Польши, учредилъ въ г. Холмѣ греко-уніятскую духовную семинарію. Въ русскомъ уніятскомъ мірѣ это была первая семинарія. Въ этомъ мірѣ она не имѣла для себя ни преданій, ни живаго роднаго образца. Высшія лица въ грекоуніятскомъ духовенствѣ издавна получали образованіе: въ виленской іезуитской академіи, въ греческой коллегіи въ Римѣ, въ коллегіи Театиновъ въ Львовѣ, въ Оломюцѣ, въ Вѣнѣ и Брунсбергѣ. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ учреждено было по нѣскольку стипендій для русск. уніятъ на счетъ римской конгрегаціи *de propaganda fide*¹⁾. Велѣдствіе сего, холмская уніятская семинарія при самомъ учрежденіи своемъ явилась только копіею римско-католическихъ семинарій. Воспитанники этой семинаріи являлись на приходы въ новомъ костю-

¹⁾ *Historia Szkół—Лукашевича. Т. 1, стр. 353.*

мѣ, по образцу римско-католическихъ ксендзовъ, и съ новымъ духомъ, для котораго древнія русскія церковно-приходскія школы казались *холопскими*. Въ приходской церкви появлялся органъ, пѣніе и чтеніе при богослуженіи значительно сокращалось, дьякъ преобразился въ органиста и старая церковная школа становилась болѣе ненужною. Сеймъ 1764 года нанесъ этимъ школамъ болѣе сильный ударъ. На этомъ сеймѣ постановлено обращать въ крѣпостное состояніе вѣхъ сыновей уніятскихъ священниковъ, которые до пятнадцатилѣтняго возраста не поступить на духовную службу или не опредѣлять себя къ какимъ либо занятіямъ. Какимъ образомъ въ пятнадцать лѣтъ поступить на духовную службу, или опредѣлить себя къ другимъ занятіямъ въ тогдашней Польшѣ при одномъ знаніи церковно-славянской грамоты и *материлго* языка? Постановленіе сейма, говоритъ историкъ польскихъ школъ, „побудило священниковъ, заботящихся о своихъ дѣтяхъ, употребить крайнія усилія, чтобы дать своимъ дѣтямъ лучшее образованіе. Многіе стали опредѣлять ихъ въ народныя (польскія) училища, въ выдѣловыя (четырёхклассныя) и подвыдѣловыя (трехъ и двухклассныя) школы, особенно въ школы базилиановъ... Значительная часть такихъ поповичей поступала на духовную службу уже съ большимъ образованіемъ, чѣмъ отцы ихъ, другіе же находили для себя хлѣбъ въ мѣстныхъ канцеляріяхъ, въ службѣ учительской, или въ частной службѣ“¹⁾, т. е. навсегда терялись для русской народности и для восточнаго обряда. „Это постановленіе, говоритъ другой, болѣе трезвый польскій писатель²⁾ — прилично одиннадцатому или двѣнадцатому, но не восемнадцатому вѣку... Нужно не имѣть сердца, чтобы сказать, что это постановленіе расположило священниковъ къ нашему краю“. Последствіемъ этого распоряженія, по словамъ его, было „бѣгство священническихъ дѣтей за границу“ (въ Россію). Бѣжали-ль они въ Россію, или поступали въ польскія учебныя заведенія, на мѣстѣ отъ этого результатъ былъ одинъ: древнія русскія церковныя школы не давали никакой выгоды, пустѣли и закрывались. Вслѣдъ за первымъ раздѣломъ Польши, холмскій епископъ Рылло, напуганный присоединеніемъ къ Россіи части Бѣлороссіи и немедленнымъ обращеніемъ многихъ уніятскихъ приходовъ въ православіе, поснѣпшилъ измѣнить вышній видъ уніятскихъ священниковъ холмской епархіи по типу римско-католическому. Собрались все священники въ г. Холмъ, по виду ничѣмъ не отличавшіеся

отъ православныхъ, а вернулись оттуда въ приходы свои совѣмъ похожіе на католическихъ ксендзовъ...

Съ учрежденіемъ на вѣскомъ конгрессѣ Царства Польскаго, въ предѣлахъ холмской епархіи оказались слѣдующія учебныя заведенія: гимназіи—въ *Люблинѣ, Щебржешицѣ и Луковѣ*; уѣздныя училища въ *Холмѣ, Красноставѣ, Грубешовѣ, Ополь, Бѣлоѣ, Сьдлицѣ и въ Венгровѣ*; католическія семинаріи въ *Люблинѣ* и въ *Яновѣ*. Кромѣ того существовало до 60 училищъ костельныхъ и фарныхъ (фара — соборная церковь), въ которыхъ приготавливались органисты для костеловъ. Во многихъ мѣстахъ фелиціанки, шаритки, девотки содержали женскія училища, охронки—для надзора за дѣтьми во время отсутствія родителей изъ дому, больницы и богадѣльни. Греко-уніаты имѣли въ это время одно учебное заведеніе—холмскую духовную семинарію, напоминавшую о восточномъ обрядѣ только обученіемъ воспитанниковъ славянскому чтенію и ничѣмъ не напоминавшему о русской народности. Были еще сѣбды церковно-приходскихъ школъ, но уже не ясныя. Повсюду въ духовенствѣ господствуетъ польскій языкъ и самый *чистъ церковнаго богослуженія*¹⁾ издастъ холмскимъ епископомъ для приходскаго духовенства на польскомъ языкѣ. Только кое-гдѣ еще священники и дьячки ведутъ метрическія записи на языкѣ русскомъ.

Въ 1817 году правительственная коммисія народного просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ издала „Постановленіе объ устройствѣ начальныхъ училищъ“²⁾. Организованы были *училищныя дозоры*, состоявшіе изъ помѣщика, католическаго ксендза и солтыса, которымъ поручена организація училищъ. Коммисія убѣждала *дозоры* „не смущаться затрудненіями, не щадить трудовъ, повсюду возбуждая ревность, свойственную полякамъ“. Илодомъ этой ревности, свойственной полякамъ, было то, что въ холмской епархіи прихожанину гдѣ уже нельзя было научиться славянскому чтенію и молитвамъ; съ этой поры въ холмской епархіи выходятъ изъ употребленія славянскіе молитвенники, каноники, русскія набожныя пѣсни, во множествѣ экземпляровъ печатавшіеся въ уніятской почаевской лаврѣ, въ замѣнъ того въ народѣ тщательно распространяются молитвенники и пѣсни польскія. При учрежденіи дозоровъ начальныхъ училищъ, оказывалось, что въ нѣкоторыхъ приходяхъ въ давнее время владѣльцами имѣнній духовенство надѣлено было разными угодами подъ условіемъ содержать при церкви на вѣчныя

¹⁾ Лукашевича—*Historia szkół* Т. 2, стр. 443 и 444.

²⁾ *Uwagi polityczne do prawideł religii i zdrowej filozofji zastosowane*. Warszawa. 1789.

¹⁾ *Porządek nabożeństwa cerkiewnego*, изданный въ 1815 г. холмскимъ епископомъ Цѣхановецкимъ.

²⁾ Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія. Т. 1, № 10.

времена школы. Въ такихъ мѣстахъ школы возста- новлялись насчетъ доходовъ духовенства отъ церко- вныхъ имѣній. Приэтомъ иногда открывалось, что завѣщаніе сдѣлано было русскимъ лицомъ и въ поль- зу русской школы, однако возобновленная школа яв- лялась польско-католическою. Въ м. *Мукободахъ* (вен- гров. уѣзда, сѣдлец. губ.) такая эрекция дана была въ 1513 году мѣстной „церкви“ мѣстнымъ право- славнымъ владѣльцемъ великимъ маршаломъ литов- скимъ Хребтовичемъ; по дозоромъ возобновлена тамъ школа польско - католическая, приходъ Муко- бодскій издавна уже былъ римско-католическимъ и далеко входитъ вглубь сплошнаго католическаго на- селенія...

Въ 1820 году тою же комисіей народнаго про- свѣщенія изданъ былъ уставъ воеводскихъ и окру- жныхъ училищъ (гимназій и уѣздныхъ училищъ)¹⁾. Въ этомъ уставѣ не оказано никакого вниманія къ потребностямъ греко-уніатовъ, которые принуждены были получать образованіе исключительно въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ: грекоуніатскихъ дѣтей не обучали здѣсь не только русскому языку, но и у- ніатской религіи; какъ уроки религіи, такъ и всѣ цер- ковные обряды, а такъ же исповѣдь и пріобщеніе св. таинъ эти ученики получали у законоучителя своего — католическаго ксендза, наравнѣ съ учениками рим- ско - католическаго исповѣданія. Это было тѣмъ болшею несправедливостію, что въ то же время въ сѣверо и юго-западномъ краѣ русское правительство допускало, во всѣхъ почти свѣтскихъ училищахъ, преподаваніе на польскомъ языкѣ (до 1831 года) и даже въ духовныхъ православныхъ семинаріяхъ и въ кіевской духовной академіи оставило преподаваніе польскаго языка (до 1836 г.).

Если преподаваніе въ холмской духовной семи- наріи ничѣмъ не отличалось отъ семинарій католи- ческихъ, кромѣ славянскаго языка, то высшее духо- вное образованіе для грекоуніатскихъ воспитанни- ковъ слито было съ римско-католическимъ. Въ 1823 г. при варшавскомъ университетѣ открыта была „главная семинарія для воспитанниковъ р. католи- ческаго и гр. уніатскаго исповѣданій“, которые въ ней „совершенствовались бы въ высшихъ наукахъ, относящихся къ духовному званію, находились подъ приличнымъ надзоромъ и сверхъ преподаваемыхъ наукъ практически упражнялись бы въ важныхъ обязанностяхъ духовнаго сана“²⁾. Хотя въ семинарію назначенъ былъ одинъ профессоръ изъ грекоуніат-

скихъ священниковъ (Павелъ Шиманскій, служив- шій дотолѣ въ холмской семинаріи, но онъ, вмѣстѣ съ другими профессорами, подчиненъ былъ „ближай- шему руководству римско - католическаго варшав- скаго архіепископа“ и въ уставѣ семинаріи не сдѣ- лано никакихъ исключеній въ пользу уніатскихъ во- спитанниковъ.

1831 годъ измѣнилъ дальнѣйшую судьбу Цар- ства Польскаго и холмскихъ уніатовъ¹⁾. Во главѣ всѣхъ вышнихъ учрежденій стали русскія лица. Кон- ституція 1818 года замѣнена „Органическимъ Уста- вомъ“, изданнымъ императоромъ Николаемъ. Въ со- сѣдней Бѣлоруссіи начаты рѣшительныя приготовле- нія къ воссоединенію уніатовъ съ православною Цер- ковію. Вопросъ о судьбѣ трехъ милліоновъ бѣлорус- совъ не могъ не коснуться и судьбы ближайшихъ сосѣдей ихъ — трехъ сотъ тысячъ холмскихъ уніа- товъ. Но существовало значителаное различіе въ по- ложеніи тѣхъ и другихъ. 1) Въ іерархическомъ от- ношеніи всѣ бѣлоруссы подчинены были уніатскому бѣлорусскому архіепископу; холмская же епархія не была подчинена ему и не состояла съ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ; до 1829 года она оставалась въ номинальномъ подчиненіи львовскому митрополиту, отъ котораго въ этомъ году она отдѣлена была, и затѣмъ по всѣмъ вопросамъ церковнымъ сносилась посредствомъ правительственной комисіи внутрен- нихъ и духовныхъ дѣлъ Ц: П. съ римскимъ дво- ромъ. 2) Бѣлоруссія, вошедшая въ составъ Россіи частію въ 1772, частію въ 1792 году, имѣвшая свою духовную коллегію въ Петербургѣ, давно уже испыты- вала въ лицѣ своихъ представителей вліяніе пра- вославной Церкви и во многихъ мѣстностяхъ вліяніе православныхъ приходовъ, уцѣлѣвшихъ отъ уніи въ значительномъ числѣ. Холмская епархія принадле- жала Царству Польскому, далека была отъ вліянія и православной Церкви и русской государственной и пародной жизни. Единственные въ предѣлахъ ея древлеправославные пріюты—яблочинскій монастырь и деревня Дрогичинъ—укрывались на лугахъ и бе- реговыхъ заросляхъ р. Вуга, вели крайне убогую жизнь и не только прихожане, но и монахи, были не- вольно ополячены. 3) Все почти бѣлорусское уніат- ское населеніе состояло изъ крѣпостныхъ крестьянъ, не имѣвшихъ даже права присяги за себя, а потому тамъ можно было вести великое дѣло воссоединенія только въ кругу духовенства, которое могло дать присягу православной Церкви за себя и за своихъ прихожанъ. Хотя населеніе холмской епархіи состо- яло такъ же изъ крестьянъ, но эти крестьяне съ

¹⁾ Сборникъ админист. постановленій Ц. П. Вѣдомство просвѣщенія Т. II, № 7, Т. III, №№ 12—16.

²⁾ Сборникъ админист. постановленій Ц. П. Вѣдомство просвѣщенія. Т. VI № 18.

¹⁾ Слѣдующія засимъ свѣдѣнія взяты нами преимуще- ственно изъ архива варшавскаго учебнаго округа.

1808 года, по кодексу Наполеона, были лично свободны, а потомъ воссоединеніе не могло быть произведено безъ участія и согласія ихъ, что въ то время произвело бы большія замѣшательства въ краѣ. По этимъ причинамъ, кн. Паскевичу, заботившемуся преимущественно о спокойствіи края, легко было, какъ выражались тогда, „отстоять“ холмскую епархію.

Тѣмъ не менѣе положеніе холмскихъ униатовъ не могло не возбуждать заботъ правительства. Первые однако мѣры, бывшія плодомъ этихъ заботъ, были неудачны. Въ 1835 г. главный директоръ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія генералъ Головинъ назначилъ въ холмскую семинарію учителя русскаго языка, а въ уѣздныя училища бѣльское и грубешовское, въ которыхъ преимущественно обучались грекоуниятскія дѣти, должности законоучителей замѣстилъ униятскими священниками. Но русскій языкъ поставленъ былъ здѣсь, какъ иностранный, преподаваніе его, какъ и во всѣхъ тогда учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго, производилось на польскомъ языкѣ. Греко-униятскіе священники, замѣнивъ римско-католическихъ законоучителей, не получили никакой инструкціи и ничего не измѣнили въ преподаваніи своего предмета, слѣдуя въ точности прежнимъ программамъ и производя преподаваніе на польскомъ языкѣ по католическимъ учебникамъ. При неудачѣ этихъ мѣръ, рѣшились испробовать примѣръ Юсефа Сѣманки: въ 1836 году Головинъ предложилъ холмскому епископу ввести въ униятскихъ церквахъ служебникъ московской печати. Послѣдствіемъ этого предложенія было только то, что правительство убѣдилось, какъ глубоко проникнута униа въ холмской епархіи римско-католическими основами и какая трудная борьба предстояла ему на этомъ пути¹⁾.

Назначенный въ 1835 году на вновь открытую варшавскую православную кафедру епископъ Антоній, уроженецъ волынской, близко знакомый съ бытомъ униатовъ, первый подалъ мысль, что въ холмской епархіи, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, впереди всѣхъ заботъ должна быть школа. Еп. Антоній первый рѣшился сдѣлать опытъ русской школы для униатовъ, насколько позволяли ему скудныя средства его. Въ 1836 г., ходатайствуя о возвращеніи яблочинскому монастырю угодій, несправедливо отнятыхъ у него арендаторомъ имѣній кн. Радзивилла въ 1807 и 1817 г., еп. Антоній писалъ въ своемъ донесеніи св. Синоду, что возвращеніе угодій дало бы

монастырю возможность между прочимъ устроить „училище для грекоуниятскаго юношества, которое съ явнымъ уклоненіемъ отъ преданій и уставовъ восточной Церкви и несогласно съ духомъ истинной вѣротерпимости, а слѣдовательно и вопреки благотворнымъ цѣлямъ русскаго правительства, воспитывается доселѣ въ свѣтскихъ польскихъ училищахъ и слушаетъ уроки по закону Божію у римско-католическаго духовенства.“ Дѣло замедлилось; но при докладѣ о немъ оберъ-прокурора св. Синода, въ апрѣлѣ 1838 г., императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ не только возвратити яблочинскому монастырю отнятыя у него угодья, но и оставить въ пользованіи его 8,000 польскихъ злотыхъ аренды, назначенной ему въ прежніе годы въ замѣнъ этихъ угодій, съ тѣмъ, чтобы при монастырѣ немедленно учреждено было и содержимо на его счетъ училище для грекоуниятскихъ дѣтей. Въ это время зданія яблочинскаго монастыря состояли только изъ ветхихъ деревянныхъ строеній, которыя частію уже разобраны были для постройки на мѣстѣ ихъ новыхъ, каменныхъ. Но св. Синодъ, отъ 29 сент. того же года, предписалъ „немедленно учредить училище для такого числа учениковъ, сколько то возможно по настоящему положенію монастырскихъ строеній, и приложить начальственное попеченіе, чтобы благое начало сего заведенія привлекло къ себѣ желающихъ и во всемъ соотвѣтствовало бы предназначаемой благой цѣли онаго“. Училище предписано устроить по образцу тогдашнихъ духовныхъ приходскихъ училищъ, двухклассныхъ. Въ ноябрѣ того же г. еп. Антоній отправился въ монастырь, съ трудомъ нашель здѣсь сколько нибудь удобную комнату и въ ней приказалъ помѣстить, какъ писалъ онъ въ своемъ донесеніи по этому случаю, „четырехъ мальчиковъ, дѣтей сосѣднихъ поселянъ униатовъ, кои въ бытность мою въ монастырѣ еще въ юлѣ мѣсяцѣ изъявили охоту обучаться въ монастырѣ чтенію, письму и ариметикѣ“. Смотрителемъ училища и учителемъ старшаго класса назначенъ былъ игуменъ монастыря Иоаннкій, учителемъ младшаго класса монастырскій послушникъ изъ окончившихъ курсы волынской духовной семинаріи Люденскій. Училище открыто 6-го декабря того же года. При открытіи его въ немъ было всего три ученика. Въ іюнѣ 1839 года св. Синодъ утвердилъ программу яблочинскаго училища. Въ 1-мъ классѣ положено было обучать: молитвамъ, чтенію русскому и славянскому и письму; во 2-мъ классѣ закону Божію, священной исторіи, четыремъ арифметическимъ дѣйствіямъ, чистописанію и потному пѣнію. Штатъ училища установленъ слѣдующій: смотритель, два учителя и 20 учениковъ, изъ коихъ 10 монастырскихъ пансіонеровъ и 10 своекоштныхъ

¹⁾ Холмско-варшавскій епархіальный Вѣстникъ 1878 г. Кн. В. А. Черкасскій и холмскіе греко-униаты. Очеркъ 1. № 9 стр. 10.

съ платою по 50 руб. с. въ годъ за полное содержаніе. Въ слѣдующемъ году построены для училища особый домъ; въ этомъ году поступило въ училище еще четыре уніятскихъ мальчика¹⁾. Такъ появилось первое русское училище для холмскихъ уніатовъ! Яблочинскому монастырю, неизмѣнно сохранившему древнее православіе среди двухвѣковыхъ религиозныхъ бурь, разрушавшихъ вокругъ него послѣдніе остатки восточнаго благочестія и послѣднія силы уніатовъ, довелось подать первый примѣръ благодѣтельнаго самарянина въ отношеніи этихъ бывшихъ братій своихъ! Яблочинское училище непрерывно существуетъ доселѣ, выпустило въ среду греко-уніатовъ немалое число своихъ воспитанниковъ и, хотя въ скромномъ размѣрѣ, но вѣрно служило сохраненію въ народѣ преданности восточному богослуженію и общему русскому отечеству.

Мысль еп. Антонія объ устройствѣ училищъ для уніатовъ оказалась плодотворною. Назначенный въ 1837 г. на мѣсто генерала Головнина энергическій и умный генералъ Шиповъ рѣшился дать ей широкое приложеніе. Въ февралѣ 1838 г. онъ представилъ кн. Паскевичу составленное имъ *Положеніе объ элементарныхъ училищахъ для греко-уніатовъ*. Вотъ главныя основанія этого проекта. Каждое училище должно состоять изъ двухъ классовъ: въ 1 классѣ дѣти обучаются чтенію русскому и славянскому, письму и нотному пѣнію; во 2 классѣ—катохизису, одобренному духовнымъ уніятскимъ пачальствомъ и совѣтомъ проповѣдника, священной исторіи, четырьмя правилами арифметики, руководящимъ сообразно полу, черченію орудій и машинъ, употребляемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. „Въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ живутъ ремесленники и фабриканты, могутъ быть преподаваемы начала геометріи, въ приложеніи къ ремесламъ и искусствамъ, начала отечественной исторіи, технологии и географіи, а такъ же дѣти могутъ упражняться въ составленіи техническихъ чертежей“. Курсы каждаго класса двухгодичны. Обученіе обязательно для всѣхъ уніятскихъ дѣтей. Учитель избирается приходомъ изъ уніатовъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ. Законоучителемъ состоитъ мѣстный священникъ. Если священникъ не владѣетъ русскимъ языкомъ, то законъ Божій преподается учителемъ. Двѣ трети расходовъ на содержаніе каждаго училища раскладываются на жителей, а одна треть отпущается на счетъ казны. Каждое училище ввѣряется заботливости особаго попечителя. „Попечители избираются изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ греко-

¹⁾ Свѣдѣніи объ этомъ училищѣ взяты нами изъ отдѣльнаго дѣла въ архивѣ варшавской духовной консисторіи подъ заглавіемъ: „Объ угодьяхъ и отобрачныхъ земляхъ, яблочинскаго монастыря“ производившагося съ 1836 по 1842 г.

унитскаго исповѣданія и должны непременно знать русскій языкъ, преимущественно же изъ уніятскихъ священниковъ“. Училища подчиняются инспекторамъ уѣздныхъ училищъ и директорамъ гимназій. (При этомъ Шиповъ имѣлъ въ виду поручить всѣ гимназій и уѣздныя училища въ губерніяхъ: люблинской, сѣдлецкой и августовской русскимъ лицамъ¹⁾). Конечно, этотъ проектъ былъ слишкомъ смѣлъ по тогдашнему времени и имѣлъ много недостатковъ. Откуда взять столько учителей, когда въ ту пору едва ли можно было найти между уніятами десять человѣкъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ, и когда всякій уніятъ, окончившій курсы гимназій, даже уѣзднаго училища, отказывался признать себя уніятъ! Гдѣ въ то время священники могли достаточно изучить русскій языкъ? Обязательность изученія такъ же не соответствовала времени. Однако, при соблюденіи постепенности и при нѣкоторомъ упрощеніи программы, проектъ Шипова принесъ бы великое благодѣяніе для уніатовъ. Къ сожалѣнію, скоро за симъ между Шиповымъ и кн. Паскевичемъ возникли сильныя несогласія по дѣламъ уніатовъ. Въ мартѣ 1839 года состоялось воссоединеніе бѣлорусскихъ уніатовъ, и скоро заспмъ Шиповъ долженъ былъ оставить службу въ Царствѣ Польскомъ. „Положеніе объ элементарныхъ училищахъ для греко-уніатовъ“ не имѣло дальнѣйшаго хода.

Между тѣмъ усиленіе бѣлорусскаго воссоединенія и поднятія поляками по всей Европѣ интриги по поводу его повидимому рѣшили въ мысляхъ императора Николая Павловича судьбу самаго Царства Польскаго, съ которою такъ тѣсно связана была судьба холмскихъ уніатовъ. 20 ноября того же 1839 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи варшавскаго учебнаго округа, съ подчиненіемъ его имперскому министерству народнаго просвѣщенія. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ въ своихъ предписаніяхъ на имя попечителя варшавскаго учебнаго округа, генерала Окунева часто заявлялъ, что „воля Государя Императора состоитъ въ томъ, чтобы устройство учебныхъ заведеній Царства Польскаго во всемъ соглашено было съ порядкомъ имперскимъ“. Ни для кого не былъ тайною настоящій смыслъ этого *соглашенія учебныхъ порядковъ*. Нашлись и между поляками лица, которыя тревожно смотрѣли на частныя политическія потрясенія края и которыя готовы были содѣйствовать правительству въ тогдашней его рѣшимости. Въ 1840 году графъ Гуровскій представилъ императору Николаю Павловичу записку: *Quelques donnés sur les*

¹⁾ Мы пользовались копіею этого „Положенія“, находящемуся въ томъ же дѣлѣ варшавской духовной консисторіи.

bases de l'education et de l'enseignement en Pologne. Авторъ совѣтуетъ русскому правительству немедленно приступить къ полному слиянію польской національности съ русскою посредствомъ обученія и воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ. По его мнѣнію, при надлежащемъ устройствѣ учебныхъ заведеній и при твердыхъ и благоразумныхъ дѣйствіяхъ учебнаго управленія, скоро не стало бы нужды въ преподаваніи польскаго языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго, „какъ не преподаются языки провансальскій, бретонскій и нѣмецкій въ различныхъ частяхъ Франціи“, — „русскій языкъ станетъ въ Польшѣ исключительнымъ орудіемъ мысли“, — „русская національность мало по малу проникнетъ польскую молодежь“, а затѣмъ „русская національная жизнь вкоренится въ Польшѣ не только механически, своимъ языкомъ, но и морально и станетъ органическою жизнію ея“. Гр. Гуровскій предложилъ въ этой запискѣ и проэктъ учебныхъ заведеній для Царства Польскаго, основанный на „началахъ славянства“. Сообщая, по Высочайшему повелѣнію, князю Паскевичу копію записки Гуровскаго, гр. Уваровъ отъ 30 ноября 1840г. писалъ при этомъ, что онъ ничего не имѣетъ съ своей стороны противъ изложеннаго въ немъ проэкта учебныхъ заведеній, но находитъ исполненіе его неудобнымъ единственно въ томъ отношеніи, что „это нарушило бы единообразіе воспитанія юношества въ царствѣ и имперіи и повредило бы вводимому нынѣ порядку“. Въмѣстѣ съ тѣмъ гр. Уваровъ выражаетъ убѣжденіе, что „принятія уже и предполагаемыя мѣры, обѣщая единообразнымъ воспитаніемъ юношества въ царствѣ и имперіи постепенное, хотя и неспѣшное *слияніе народностей*, подають надежду, что высокія намѣренія Его Величества *будутъ достигнуты путемъ, нынѣ избраннымъ, болѣе естественнымъ*“¹⁾.

На первый разъ грандіозная идея „слиянія народностей“ не была ясна для исполнителей ея; распоряженіе о подчиненіи учебныхъ заведеній Царства Польскаго министру народнаго просвѣщенія напротивъ возбудило надежды на устройство отдѣльныхъ училищъ для національностей, подчиненныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ полонизму, о чемъ издавна заботились въ Варшавѣ и русскіе и нѣмцы. Снова появилась мысль объ учрежденіи особыхъ училищъ для дѣтей уніятскихъ. Въ январѣ 1840 г. люблинскій губернаторъ генераль Альбертовъ, въ представленіи на имя главнаго директора внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, сообщалъ, что уніятское юношество, обучаясь въ общихъ элементарныхъ училищахъ, въ которыхъ все преподаваніе производится на поль-

скомъ языкѣ, законъ Божій преподается католическими ксендзами, по католическимъ учебникамъ, быстро ополячивается и окатоличивается. Для исправленія этого зла, по мнѣнію ген. Альбертова, необходимо озаботиться устройствомъ отдѣльныхъ училищъ для уніятскихъ дѣтей, въ которыхъ преподаваніе всѣхъ предметовъ производилось бы „на *природномъ* языкѣ жителей, законъ Божій преподавалъ бы уніятскій священникъ, дѣти обучались бы церковнославянскому языку и самыя эти школы подчинены были бы уніятской духовной власти. Авторъ полагалъ, что обученіе въ такихъ школахъ скоро оказало бы вліяніе на самое богослуженіе въ уніятскихъ церквяхъ и постепенно вытѣснило бы изъ нихъ польскій языкъ, на которомъ тогда повсюду уніятскіе священники произносили проповѣди, производили всѣ оповѣщенія въ церкви, а братства пѣли католическія пѣсни и т. под. Попечитель варшавскаго учебнаго округа, нынѣшній генераль Окуневъ энергически поддержалъ этотъ проэктъ Альбертова предъ кн. Паскевичемъ: въ своемъ представленіи по этому случаю онъ пошелъ дальше даже Шипова и полагалъ, что въ предѣлахъ холмской епархіи не слѣдуетъ допускать учебныхъ заведеній съ польскимъ преподаваніемъ и католическихъ элементарныхъ училищъ и что въ губерніяхъ: люблинской, подляской и августовской необходимо назначать на мѣста директоровъ гимназій, инспекторовъ уѣздныхъ училищъ и городскихъ бургомистровъ только лицъ русскаго происхожденія и православно исповѣданія¹⁾.

Кн. Паскевичъ въ это время, больше чѣмъ прежде, не былъ расположенъ касаться уніятскаго вопроса и не далъ дальнѣйшаго хода проэктору Альбертова. Въ то же время, не раздѣляя надеждъ на „слияніе народностей“, онъ сталъ теперь болѣе внимательнымъ къ давнимъ жалобамъ православныхъ и лютеранскихъ семей на ополяченіе и окатоличиванье дѣтей ихъ въ мѣстныхъ гимназіяхъ. Въ томъ же 1840 году онъ отнесся къ гр. Уварову объ устройствѣ въ г. Варшавѣ русско-нѣмецкаго учебнаго заведенія „по образцу петропавловскаго училища въ Петербургѣ“. За то генераль Окуневъ быстро увлекся идеей „слиянія народностей“. Въ замѣнъ отдѣльныхъ училищъ для грекоуніятвъ, въ новомъ уставѣ учебныхъ заведеній Царства Польскаго²⁾, Высочайше утвержденномъ 31 августа 1840 года, въ отношеніи преподаванія въ общихъ начальныхъ училищахъ, сдѣлано было слѣдующее добавленіе сравнительно съ уставомъ 1833 г.: „во всѣхъ первоначальныхъ

¹⁾ Архивъ б. намѣстниковъ Ц. П. № 2320.

²⁾ Сборникъ администр. распоряженій Ц. П. Вѣдомство просвѣщенія. Т. 1, № 32; Т. III, № 24.

¹⁾ Архивъ б. намѣстниковъ Ц. П. № 2306.

училищахъ дѣти обучаются... чтенію печатныхъ книгъ и рукописей *на природномъ языкѣ*... Въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ новый уставъ не сдѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ пользу греко-унитовъ. На проектъ Паскевича объ учрежденіи училища „въ родѣ петропавловскаго въ Петербургѣ“, Окуневъ отвѣчалъ, что такое училище для русскихъ совершенно излишне, но незначительному числу ихъ въ Варшавѣ¹⁾. Онъ продолжалъ начатія Шиповымъ перемѣны въ составѣ служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, назначая на должности директоровъ и инспекторовъ преимущественно лицъ русскихъ, дѣятельно занялся приготовленіемъ русскихъ учебниковъ, программъ и под. По истеченіи перваго учебнаго года со времени введенія новаго устава, отъ 16 іюля 1841 года, онъ такъ увлекся успѣхами своихъ распоряженій, что, забывая жалобы русскихъ родителей и старанія Паскевича объ устройствѣ отдѣльнаго училища для русскихъ и нѣмцевъ, доносилъ министру народнаго просвѣщенія, что въ средѣ православныхъ жителей Царства Польскаго мѣстныя учебныя заведенія приобрѣли „всеобщее довѣріе“, „пользуются заслуженной репутаціей“ и что „хотя число учениковъ православнаго и протестантскаго исповѣданій не совсѣмъ еще значительно, однако же число это, какъ видно изъ директорскихъ рапортовъ, постепенно всюду возрастаетъ“²⁾.

Дорого обошелся для Россіи этотъ опытъ „слиянія народностей“ и это шаткое отношеніе къ трехсотъ-тысячному русскому населенію, которое могло бы послужить твердою и наилучшею опорой русскимъ интересамъ въ Царствѣ Польскомъ. Поляки успѣли уже приглядѣться къ русскому военному управленію въ Царствѣ Польскомъ. Паническій страхъ, овладѣвшій всеми слоями населенія вслѣдъ за разгромомъ возстанія 1831 года, прошелъ. Страхъ потери народности, усиленный преувеличенными толками эмиграціи, протесты римскаго двора противъ обращенія бѣлоруссовъ въ православіе и разрывъ сношеній съ нашимъ правительствомъ, путешествіе по Европѣ самозванки Мечиславской, съ крестомъ и пальмовою вѣтвію, по подобію Петра Пустынника, для возбужденія католической черни къ крестовому

походу противъ Россіи, интриги нѣкоторыхъ европейскихъ дворовъ—все это воспламенило пылкое воображеніе поляковъ и вызвало ихъ на рѣшительную борьбу со всеми мѣрами правительства въ Царствѣ Польскомъ. Борьба оказалась для нихъ легкою. Лучшіе русскіе люди, подобно Строганову, Головинцу, Шипову, одинъ за другимъ покидали Царство Польское, оставались во главѣ учрежденій люди боеваго закала, рѣшительнаго характера, но недалековидные, безъ надлежащаго образованія и безъ подготовки къ административной службѣ, въ то время представлявшей настоящій лабиринтъ, составленный изъ кодекса Наполеона, узаконеній австрійскихъ, прусскихъ и новыхъ распоряженій русскаго правительства. Эти лица, не зная страны, мѣстнаго языка, мѣстныхъ узаконеній, скоро очутились въ рукахъ мѣстныхъ дѣльцовъ; между правительствомъ и страной стала цѣлая армія польскихъ чиновниковъ, опытныхъ, льстивыхъ, умѣвшихъ все скрывать подъ лоскомъ преданности, усердія, благонамѣренности. Начальники радовались преданности своихъ подчиненныхъ видамъ правительства, вѣрили донесеніямъ ихъ, а между тѣмъ на дѣлѣ быстро выросли плоды, прямо противоположныя правительственнымъ ожиданіямъ. Въ учебномъ округѣ главною сплюю былъ *экзаменаціонный комитетъ*, на обязанности котораго лежало: производить частую ревизію всехъ учебныхъ заведеній, удостоивать званія учителей, готовить учебники, программы преподаванія, избирать книги для училищныхъ библиотекъ и вообще руководить учебною частію всехъ учебныхъ заведеній. Всѣ члены этого комитета были поляки стараго учебнаго закала, которые болѣе всего старались доказать, что безъ хорошаго знанія польскаго языка нельзя успѣшно преподавать русскаго языка и начальствовать въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ,—что ни одинъ русскій учебникъ не можетъ быть введенъ въ этихъ заведеніяхъ, особенно по русской исторіи, географіи а также пособія и хрестоматіи по русской словесности, безъ передѣлки и „приспособленія“ ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, а потому во время ревизій торопили русскихъ учителей и директоровъ поскорѣе и получше изучить польскій языкъ. Русскіе директоры и инспекторы, назначенные Шиповымъ и Окуневымъ, не могли быть компетентными судьями въ педагогическомъ дѣлѣ: только двое изъ нихъ окончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, прочіе (болѣе 10) были отставные полковники, капитаны, ротмистры, поручики, иногда необучавшіеся ни въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ предѣлахъ холмской епархіи учебными заведеніями управляли: люблинской гимназіей *подполковникъ Сіановъ*, луковской, потомъ (по перенесеніи ея съ 1840 г. въ Сѣдлецъ) *сѣдлецкой—штабс-капитанъ*

¹⁾ Въ Варшавѣ и въ Царствѣ Польскомъ въ 1842 году считалось 12,749 дунъ обоюго пола православныхъ прихожанъ, кромѣ войскъ и инвалидовныхъ командъ. *Русско-Нѣмецкое училище* открыто въ Варшавѣ въ 1843 г. и поступило въ распоряженіе нѣмцевъ. Въ 1845 г. оно перенесено было въ г. Лодзь. Въ 1862 г. закрыто. См. жур. минист. нар. пр. 1875 г., стат. Е. Крыжановскаго: *Русскія школы въ Царствѣ Польскомъ* до 1864 г. май, стр. 5—8.

²⁾ *Сборникъ распоряженій по министерству нар. пр. т. II, ст. 455.*

Каульбарсъ, грубешовскимъ уѣзднымъ училищемъ *порукиъ Добричъ*, бѣльскимъ — *порукиъ Боборыкинъ* (училища въ Ополь, Красновоставъ, Холмъ и Венгровъ были закрыты, шебржешинская гимназія была частнымъ учебнымъ заведеніемъ Замоискихъ). Въ скоромъ времени почти все эти директоры и инспекторы, а за ними русскіе учителя женились на полькахъ и устроили весь свой бытъ домашній по духу и характеру польскихъ семействъ. Самъ попечитель Окуневъ женился на полькѣ и, въ видахъ „слиянія народностей“, дѣятельно заботился о сближеніи русскихъ съ поляками. При такомъ порядкѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ, вмѣсто „соглашенія съ порядкомъ имперскимъ“, болѣе и болѣе развивалось ревнивое господство полонизма, русскій языкъ въ дѣйствительности сталъ только предметомъ глумленія, русскія православныя дѣти полячилились и католичились. Въ теченіи шестилѣтняго опыта „слиянія народностей“, приходилось употреблять военныя репрессаліи противъ нѣсколькихъ учебныхъ заведеній, а гимназіи въ Кѣльцахъ и Шебржешинѣ закрыты. Отъ 17 июня 1846 г., послѣ уничтоженія нѣсколькихъ повстанческихъ бандъ, появившихся въ краѣ, кн. Паскевичъ писалъ попечителю Окуневу: „Послѣдніе мятежные замыслы въ здѣшнемъ краѣ обнаружили духъ воспитывающагося юношества... Училищныя начальства не только не умѣли дать учащемуся юношеству сообразнаго съ назначеніемъ его направленія, но напротивъ оказались даже не довольно бдительными и сильными, чтобы удержать ввѣренную имъ учащуюся молодежь отъ участія въ злонамѣренныхъ замыслахъ бунтовщиковъ, такъ что одно лишь принятіе въ свое время самыхъ дѣятельныхъ и сильныхъ мѣръ удержало эту буйную молодежь отъ обнаруженія общаго волненія“. При этомъ кн. Паскевичъ упоминаетъ объ открытіи въ средѣ варшавскихъ учениковъ заговора на его жизнь и увѣдомляетъ, что Государь Императоръ, по докладу его, повелѣлъ закрыть вѣсныя три класса въ варшавскихъ гимназіяхъ. Вслѣдъ за симъ все учебныя заведенія подчинены были губернаторамъ на правахъ почетныхъ попечителей.

Что происходило въ это время въ средѣ униатовъ, это понятно. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ греко-униатскія дѣла подвергались насмѣшкамъ со стороны своихъ польскихъ товарищей и названію ехизматика за малѣйшее обнаруженіе склонности къ своему церковному обряду. Никогда еще католическіе законоучители такъ ревниво не заботились объ исполненіи католическихъ обрядовъ униатскими учениками. Греко-униатскіе законоучители въ Грубешовѣ и Бѣлой менѣе чѣмъ когда либо могли отсутствовать отъ учебниковъ въ пользу своихъ униатскихъ

учениковъ, въ особенности послѣ того, какъ холмскій епископъ Шумборскій, сдѣлавшій 12 авг. 1841 г. по возвращеніи изъ Петербурга, распоряженіе объ устраненіи нѣкоторыхъ латинскихъ обычаевъ въ униатскомъ богослуженіи, сильнымъ напоромъ полонизма и римской курии вынужденъ былъ не только отмѣнить это распоряженіе, но и окружнымъ посланіемъ отъ 1 марта 1842 года униженно испросить прощеніе у своей паствы: „умоляю васъ, мои возлюбленные братья во Христѣ, — писалъ онъ — простите мое прегрѣшеніе, въ которомъ я сознаюсь“¹⁾. До какой степени смутны были понятія о своей церковности у этихъ самихъ законоучителей, показываетъ между прочимъ слѣдующій примѣръ. Въ 1842 году гр. Уваровъ предписалъ ввести въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго преподаваніе церковно-славянскаго языка. Экзаменаціонный комитетъ распорядился, чтобы каждый русскій учитель, въ доказательство своихъ познаній въ этомъ языкѣ, представилъ свою біографію на немъ. Учителя бѣльскаго и грубешовскаго училищъ оказались незнающими по церковно-славянски, инспекторы, поруки Боборыкинъ и Добричъ тоже. Пришлось ожидать помощи въ этомъ дѣлѣ отъ законоучителей, униатскихъ священниковъ. Грубешовскій законоучитель не изъявилъ желанія и промолчалъ о своемъ знаніи церковно-славянскаго языка, а бѣльскій, священникъ Калиновскій представилъ свою біографію, подъ которою подписался такъ: „*cekaraktem glaholickim pisatem własnoręcznie X. I. Kalinosky*“, т. е. *кириллицу* признавалъ *глаголицей!* При такихъ филологическихъ познаніяхъ самихъ униатскихъ священниковъ, неудивительно, что выраженіе устава 1840 г. о преподаваніи и обученіи въ элементарныхъ училищахъ чтенію печатныхъ книгъ и рукописей и закону Божию „на природномъ языкѣ жителей“, на мѣстѣ объяснено было польскими учителями и католическими законоучителями такимъ образомъ, что русинскій (малорусскій) говоръ есть нарѣчіе польскаго языка, а потому униатскія дѣти должны быть обучаемы чтенію и закону Божию на польскомъ языкѣ! Если и въ Россіи въ то время славянская филологія хромала въ отношеніи къ малорусскому нарѣчію, не умѣя найти объясненія особенностей его, то въ Варшавѣ менѣе всего можно было ожидать этихъ объясненій и управленіе варшавскаго учебнаго округа, какъ и русскіе директоры люблинской и сѣдлецкой гимназій и инспекторы грубешовскаго и бѣльскаго уѣздныхъ училищъ, завѣдывавшіе элементарными училищами въ губерніяхъ люблинской и сѣдлецкой, ни разу не возражали про-

¹⁾ См. *Холмско-варшавскій епарх. Вѣстникъ* 1878. *Книжка Черкасскій и холмскіе греко-униатскіе. Очеркъ I.*

тивъ обученія уніятскихъ дѣтей на польскомъ языкѣ и преподаванія имъ религіи католическими ксендзами. Католическіе ксендзы, въ видахъ скорѣйшей пропаганды, намѣренно устранили уніятскихъ священниковъ отъ начальныхъ училищъ, даже въ собственныхъ приходахъ ихъ¹⁾. О холмской семинаріи за это время мы не будемъ и говорить; ревнивый духъ полонизма и опасенія за вѣру, усилению поджигаемыя Римомъ, управляли всѣми порядками въ ней. Вообще, этотъ шестилѣтній періодъ былъ самою скорбною страницей въ исторіи нашихъ заботъ о просвѣщеніи въ Царствѣ Польскомъ и о холмскихъ уніятахъ. Неудивительно, что еще никогда уніятскій народъ не увлекался такими массами въ католичество, какъ въ это именно время (1840—1846). Отъ трехъ сотъ тысячъ этого народа къ концу этого десятилѣтія оставалось не болѣе двухъ сотъ двадцати тысячъ.

Но нѣтъ худа безъ добра. Въ это самое время въ сосѣдней съ холмской епархіей Галиціи происходило народное возбужденіе, исходъ котораго не понимали еще ни сами галичане, ни австрійское правительство. Въ 1846 году, во время польской смуты, галицкіе русины оказали своему правительству услугу, подавивъ эту смуту въ самомъ началѣ ея, за что получили отъ него признаніе національныхъ правъ своихъ. Тогда, подъ руководствомъ митрополита—народолюбца Григорія Яхимовича, началось быстрое возрожденіе народнаго духа: языкъ, литература, исторія, памятники родной старины, народныя обычаи, преданія, пѣсни, церковныя обряды,—все оживало и увлекало народную массу. Впереди всего этого движенія стояли народныя училища, учреждаемыя на народныхъ началахъ и ежегодно появлявшіяся сотнями. Такое народное движеніе не могло не коснуться холмской епархіи, особенно по сосѣдству съ Галиціей. Систематическое устраненіе ксендзами священниковъ отъ училищъ въ собственныхъ приходахъ ихъ, ежегодныя совращенія народа въ латинство тысячами, преслѣдованіе богослужебныхъ обычаевъ, выборъ колято рами кандидатовъ на приходы совершенно ополяченныхъ и латинизованныхъ лицъ, вообще вся эта крайняя ревность и самоувѣренность полонолатинства невольно обращала взоры уніятскихъ свя-

щенниковъ къ тому положенію, какое пріобрѣли для себя и для своихъ наствъ ихъ собратія въ Галиціи. Небольшой кружокъ любителей роднаго богослуженія и языка точно просыпался отъ долгаго сна, смутно сознавая охватывавшее его чувство народности: погибшіе памятники родной старины, заглохшія преданія народа, извращенная исторія не давали на мѣстѣ достаточной опоры этому чувству,—и оно всецѣло отдалось галицкому руководству; Галиція стала для этого кружка обѣтованною землею, св. Юрій (соборная церковь въ Львовѣ)—сіюномъ спасенія. Крайніе ревнители тѣснаго единенія съ Римомъ, съ 1839 года постоянно мучимые призракомъ „московской схизмы“, надѣялись найти въ галицкомъ оживленіи опору противъ „посягательствъ Москвы“ и примыкали къ партіи горячихъ головъ, пропагандировавшихъ въ Галиціи и во всей южной Россіи особую *русинскую* народность, отличную отъ *московской* народности, и видѣвшихъ въ уніи національную религію русиновъ, отличную отъ „московскаго православія“. Такимъ образомъ почти всѣ партіи въ духовенствѣ холмской епархіи встали противъ полово-латинскихъ насилій и опоры противъ нихъ искали въ примѣрѣ собратій своихъ въ Галиціи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь прежде всего начались заботы объ отдѣльныхъ училищахъ для уніятскаго народа, съ подчиненіемъ ихъ духовенству и съ дѣйствительнымъ преподаваніемъ на природномъ языкѣ жителей. Къ кн. Паскевичу стали поступать „отъ священниковъ и отъ цѣлыхъ приходоѡ“ жалобы на устраненіе ксендзами уніятскаго духовенства отъ обученія уніятскихъ дѣтей закону Божію и ходатайства объ устройствѣ для уніятѡвъ отдѣльныхъ училищъ, въ которыхъ „уніятскія дѣти обучаемы были бы правиламъ вѣры по ихъ исповѣданію и на природномъ языкѣ ихъ“. После потребленія мятежныхъ польскихъ шаекъ, появившихся въ Царствѣ Польскомъ въ 1846 году, кн. Паскевичъ, глубже другихъ убѣдившійся въ обратныхъ результатахъ идеи „слиянія народностей“, обратилъ вниманіе на спасеніе отдѣльныхъ народностей отъ поглощенія ихъ полонизмомъ. Въ 1847 году онъ издалъ распоряженіе о подчиненіи училищъ въ евангелическихъ приходахъ евангелическо-аусбургской консисторіи и о преподаваніи въ нихъ всѣхъ предметовъ на нѣмецкомъ языкѣ, дабы „положить преграду распространенію между нѣмцами польскаго языка“, такъ какъ нѣмцы „отстали отъ своего природнаго языка до того, что и самое богослуженіе отпривляется уже во многихъ мѣстахъ на польскомъ языкѣ“¹⁾. Поэтому Паскевичъ не колебался болѣе и въ отношеніи уніят-

¹⁾ Двѣнадцать римско-католическихъ монастырей, находившихся въ то время въ предѣлахъ холмской епархіи, особенно паулины въ Лесѣ, увеличили число процессій, церемоній, отпустѡвъ, проповѣдники ихъ держали рѣчи къ народу, не только въ церквахъ, но и на площадяхъ, на поляхъ, въ лѣсу, кромѣ того подъ предлогомъ сбора милостыни на монастыри высылали въ уніятскія деревни монаховъ, которые поучали народъ въ домахъ, на дворахъ, въ сараяхъ, и на поляхъ за работой... Фелиціанки, содержимыя въ деревняхъ помѣщиками, открывали школы, пріюты, охронки для уніятскихъ дѣтей.

¹⁾ Сборникъ административныхъ распоряженій Царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія. Т. 1, № 42.

товъ, которыхъ дотолѣ обходилъ, чтобы не раздражать поляковъ и римскаго двора. По докладу Императору Николаю Павловичу, 15 марта Паскевичъ издалъ „Положеніе о начальныхъ училищахъ для греко-уніятъ“. Главныя основанія этого *Положенія* были слѣдующія: 1) существующія въ средѣ уніятскаго населенія общія училища постепенно закрываются и вмѣсто ихъ учреждаются училища греко-уніятскія; 2) греко-уніятскія училища, оставаясь подъ главнымъ завѣдываніемъ попечителя варшавскаго учебнаго округа, подчиняются холмской духовной консисторіи и поручаются ближайшему вѣдѣнію греко-уніятскихъ благочинныхъ и приходскихъ священниковъ, которые обязаны обучать въ нихъ закону Божію; 3) преподаваніе въ этихъ училищахъ поручается церковнымъ дьячкамъ изъ окончившихъ курсъ въ холмскомъ „Институтѣ дьяковъ“; 4) все обученіе производится „на природномъ языкѣ жителей“; 5) предметами обученія служатъ: чтеніе церковной печати, „чтеніе и письмо по русски“, молитвы, катихизисъ, священная исторія, четыре правила ариметики съ понятіемъ о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ и церковное пѣніе „по нотамъ“. § 8 „Постановленія“ предписывалъ: „въ училищахъ употреблять учебныя книги: букварь, часословъ, или октоихъ, неалтырь, краткій катихизисъ, а для пѣнія кругъ простаго нотнаго пѣнія“¹⁾.

Въ 1851 году открыты были первыя уніятскія училища и приняты весьма сочувственно цѣлымъ уніятскимъ населеніемъ. Эти училища безъ сомнѣнія послужили бы лучшими сѣменами для будущаго, если бы возбужденное настроеніе духовенства получило просвѣщенное и внимательное ко всему руководство. Къ сожалѣнію, кн. Паскевичъ не обладалъ способностями для подобнаго руководства. Увлеченный возникшимъ между уніятскимъ и католическимъ духовенствомъ антагонизмомъ, не понимая сущности и характера его, онъ полагалъ, что наступило благоприятное время для рѣшительныхъ мѣръ противъ самой уніи. Въ этомъ убѣжденіи сильно поддерживалъ его новый варшавскій архіепископъ Арсеній, въ свою очередь увлеченный внушеніями нѣкоторыхъ лицъ изъ уніятскаго духовенства, дѣйствовавшихъ не просто²⁾. Одновременно съ открытіемъ первыхъ уніятскихъ школъ, кн. Паскевичъ, не справляясь съ тѣмъ, что въ холмской семинаріи продолжалъ господствовать прежній духъ, что въ семинарской библиоте-

къ не было ни одной русской книги, распорядился, дабы ежегодно четыре воспитанника семинаріи отправляемы были въ православныя духовныя академіи, московскую и кіевскую, для высшаго духовнаго образованія. Эта мѣра вызвала сильную тревогу въ духовенствѣ. Въ 1852 и 1853 г. распоряженіе Паскевича исполнено. Воспитанники семинаріи явились въ академіи московскую и кіевскую сильно озлобленными противъ всего русскаго и православнаго и до конца курса, не смотря на всѣ льготы и поощренія, не измѣнили своего расположенія. Въ 1854 и 1855 г. епархіальное начальство по нуждамъ епархіи, имѣвшей до 130 священническихъ вакансій, при 5—6 ежегодно окончивавшихъ курсъ семинаріи, не нашло возможнымъ отправить кого либо изъ воспитанниковъ въ академію, а затѣмъ, избранные велѣдствіемъ пастыря требовавшія два кандидата отказались отъ поступленія въ академію. Тогда Паскевичъ приказалъ сообщить епископу, что всѣ воспитанники семинаріи, не готовящіе себя къ академіи и отказывающіеся отъ поступленія въ нее будутъ подвергнуты рекрутскому набору¹⁾. Такія рѣзкія мѣры сильно повредили успѣху только что возникавшихъ уніятскихъ училищъ. Ксендзамъ не трудно было поколебать малодушныхъ среди уніятскаго духовенства, охладить усердныхъ, одушевить фанатиковъ, поставить препятствія школьному дѣлу на каждомъ шагѣ. Они сѣяли въ народѣ подозрѣнія въ отношеніи къ школамъ его, называя ихъ схизматическими. Поляки прозвали эти школы *хлоскими*. Помѣщики, обязанные отвести усадьбу и дать матеріалъ на постройку школы, не исполняли этого распоряженія, или, собравъ слѣдующее отъ крестьянъ на уплату мастерамъ деньги и построивъ домъ, отводили въ немъ помѣщенія для своей прислуги. Католическія училища, послѣ открытія уніятскихъ, не закрывались и существовали рядомъ съ ними, иногда всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Католическій учитель по штату получалъ жалованья отъ 90 до 200 руб. сер., уніятскій „дьякъ-учитель“ всего отъ 45 до 60 руб. сер. Народъ неохотно платилъ сборъ на содержаніе своихъ училищъ, а гражданскія власти не брегли о правильномъ поступленіи этого сбора. Къ тому же, помѣщики большою частію отводили усадьбы для школъ въ самомъ невыгодномъ мѣстѣ школьнаго района, многія деревни находились отъ своихъ школъ въ 6 и 7 верстахъ, а потому жители неохотно посылали въ нихъ своихъ дѣтей. При такой массѣ препятствій, духовенство, пораженное новыми, рѣзкими распоряженіями Паскевича, болѣе и болѣе охладѣва-

¹⁾ Тамъ же № 43.

²⁾ Одно изъ этихъ двухъ лицъ, священникъ Боярскій, судившійся за разныя преступленія, въ 1874 году бѣжалъ въ Галицію и доселѣ наводняетъ мѣстныя польскія газеты описаніями возсоединенія 1875 года и клеветами на русское правительство.

¹⁾ *Холмско-Варшавскій епархіальный Вѣстникъ* 1880 года. *Очеркъ исторіи холмской семинаріи* № 17, стр. 280.

ло къ своимъ училищамъ. Въ 1857 году, спустя годъ послѣ смерти Паскевича, этихъ училищъ было всего 27, приготовлены штаты для 24.

Съ 1857 года, наступила рѣзкая переменѣна въ направленіи дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, исключительно въ пользу польской національности. Уніятскій вопросъ споина предоставленъ силамъ и средствамъ самихъ уніятвъ. Наступили снова тяжелые годы для уніятвъ. Католическое духовенство ничѣмъ уже не стѣнялось, народная партія въ уніятскомъ духовенствѣ подверглась открытымъ преслѣдованіямъ, напротивъ полонофильская партія получила господство въ дѣлахъ холмской епархіи¹⁾. Воспитанниковъ холмской семинаріи теперь отправляли для высшаго образованія въ варшавскую римско-католическую духовную семинарію. Быстро стали падать послѣдніе остатки восточнаго богослуженія, послѣднія народныя силы уніятвъ. Уніятскія училища испытывали ту же участь. Въ 1857 году въ 27 училищахъ обучалось 709 дѣтей обоего пола, т. е. на каждое училище приходилось учащихъ по 26. Въ 1858 въ 51 училищѣ обучалось 804, т. е. по 16 на каждое училище; въ 1860 году въ 52 училищахъ обучалось всего 643, т. е. по 12 въ каждомъ училищѣ²⁾. Но и эти цифры безъ сомнѣнія преувеличены учителями и благочинными, такъ какъ онѣ представляютъ число записавшихся въ школу дѣтей, а не дѣйствительно обучавшихся въ нихъ.

Но и теперь, какъ прежде, крайняя ревность полоно-латинства возбудила наконецъ въ уніятскомъ духовенствѣ усилія къ спасенію своей вѣры. Огромное большинство духовенства жертвовало народностью ради пощады исповѣданія, и, считая уніятскій вопросъ домашнимъ дѣломъ католической церкви, обращалось съ адресами то къ своему епископу Тешинскому, противъ избранія въ преемники ему преданнаго латинству Каливскаго, то къ подляскому католическому епископу Шиманскому, распорядившемуся въ холмской епархіи, какъ въ своей собственной, противъ совращенія уніятвъ въ латинство. Но небольшой кружокъ народолюбцевъ, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, рѣшился вновь просить помощи и защиты отъ русскаго правительства. 20 апрѣля 1862 года нѣсколько священниковъ, съ протоіереемъ Войцицкимъ во главѣ, подали намѣстнику ц. и. великому князю Константину Николаевичу адресъ, съ выраженіемъ просьбы „сохранить холмскую епархію отъ неминуемой гибели“. Первоначальныя побужденія,

полученныя этимъ кружкомъ изъ Галиціи, въ послѣдующей борьбѣ съ полонолатинствомъ значительно развились и проявились. Адресъ представлялъ цѣлую систему мѣръ, направленныхъ не къ вышнему только огражденію уніятвъ отъ насилій со стороны полоно-латинства, но и къ внутреннему возрожденію уніятскаго народа, къ оживленію и укрѣпленію народнаго духа. Это былъ первый, сознательный голосъ изъ среды самихъ уніятвъ о практическихъ способахъ рѣшенія холмско-уніятскаго вопроса, доселѣ не подававшася никакимъ усиліямъ. Направленіе народныхъ силъ къ единенію съ Галиціей, выраженное въ адресѣ, было неизбѣжнымъ, теоретическимъ увлеченіемъ холмскихъ народолюбцевъ, которое на практическомъ пути легко пришло бы къ единенію съ общерусскою жизнію. Составители адреса представляли собою въ самомъ уніятствѣ такую силу, на которую правительство смѣло могло опереться въ своихъ заботахъ объ уніятскомъ вопросѣ. Адресъ, для сохраненія холмской епархіи „отъ неминуемой гибели“, всего болѣе надѣется на народное образованіе. Вотъ относящіяся сюда статьи его:

„Въ епархіальную холмскую семинарію ввести на должности такихъ благонамѣренныхъ учителей, которые *стойки въ своей народности* и способны преподавать предписанные предметы *не въ духѣ латинскаго фанатизма*; немѣющихся же тѣхъ необходимыхъ примѣтъ удалять, выписывая *способнѣйшихъ къ этой цѣли изъ Галицкой Руси*“ (ст. 2).

„Способнѣйшихъ семинаристовъ отправлять не въ варшавскую академію (католическую), но въ львовскую (уніятскую), дабы они могли научиться прежде всего *узнать свою народность и возлюбить свой обрядъ*“ (ст. 4).

„Вездѣ въ приходахъ нашихъ учреждать *сельскія школы*, а къ предметамъ преподавательнымъ въ нихъ присоединить *исторію Руси*“ (ст. 9).

„Запретить заводить *школы польскія* чрезъ помѣщиковъ, подъ надзоромъ феліціанокъ, ибо таковыя *вредятъ русскою народности*“ (ст. 10).

„Уѣзднымъ училищамъ въ Грубешовѣ, Бѣлой и другихъ на Руси нашей *дать народный характеръ* въ родѣ галиційскихъ учебныхъ заведеній; въ Холмѣ же *устроить гимназію русскую*“ (ст. 12).

„Въ одномъ изъ городовъ холмской епархіи завести *училище для священническихъ дѣтей женскаго пола*, ибо нынѣ, обучаясь въ польскихъ заведеніяхъ, иногда *перемѣляютъ обрядъ и теряютъ народность*“ (ст. 13)¹⁾.

Но то было самое неблагоприятное время для осу-

¹⁾ Холмско-варшавскій епархіальный Вѣстникъ. К. Черкасскій и холмскіе греко-уніаты. 1879 годъ Очеркъ IV.

²⁾ *Матеріалы, собраныя въ цѣрствѣ польскомъ Н. А. Миллютинимъ.* Вѣдомство просвѣщенія. Тетрадь вторая. № 9. Вѣдомость о греко-уніятскихъ училищахъ.

¹⁾ Газета „День“ 1864 г. № 41. Судьбы уніи въ холмской еп. ун. епархіи—Попова, стр. 75 и 76.

ществленія подобныхъ стремленій въ Царствѣ Польскомъ. Пробовались всевозможныя уступки полякамъ во имя мира и спокойствія. Въ тогдашнихъ интеллигентныхъ и вліятельныхъ нашихъ сферахъ знали въ Царствѣ Польскомъ только поляковъ и почти ничего не знали о холмскихъ уніятахъ. 20 апр. 1862 г. поданъ былъ адресъ, а спустя всего 18 дней, именно 8 мая того же года Высочайше утвержденъ новый уставъ учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ, составленный подъ руководствомъ властнаго тогда гр. Веленпольскаго. Въ этомъ уставѣ возстановлена система общихъ училищъ для всего населенія, съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ. Греко-уніятамъ не дозволено было даже преподаваніе Закона Божія на родномъ языкѣ, хотя допущено было обученіе церковно-славянскому языку и хотя нѣмцамъ дозволено было обучаться Закону Божию на нѣмецкомъ языкѣ¹⁾.

Начавъ школьную реформу съ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, Веленпольскій не успѣлъ исполнить ее въ отношеніи элементарныхъ училищъ и весною слѣдующаго года долженъ былъ оставить и службу и Россію. Не смотря на предупрежденіе, сдѣланное возстановляемой комиссіей народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ холмскому епископу о имѣющемъ послѣдовать преобразованіи уніятскихъ училищъ и устраненіи благочинныхъ отъ завѣдыванія этими училищами, послѣдніе продолжали существовать. Каково было это существованіе въ 1863 и 1864 гг., въ теченіе вооруженнаго мятежа, понятно и безъ объясненій. Для наглядности приведемъ выписки изъ краткихъ вѣдомостей, доставленныхъ благочинными въ Комиссію Народнаго Просвѣщенія въ 1863 и 1864 годахъ. Свѣдѣнія поступили только о слѣдующихъ училищахъ, притомъ въ самыхъ лаконическихъ выраженіяхъ.

1. *Тарногородское благочиніе.*

а) „Тарногородъ, „Училищное помѣщеніе сгнило и близко къ разрушенію. Впрочемъ, училище находится въ хорошемъ (!) состояніи“.

б) *Ксенжополь*, „Училище находится въ хорошемъ состояніи. Полъ сгнилъ, нѣтъ никакихъ учебныхъ пособій, скамей, стола и проч.“

в) *Кшешовъ*. Училище „помѣщается въ наемномъ домѣ; домъ для него доселѣ еще не построенъ. Дьякъ (учитель) Желѣзко неизвѣстно гдѣ проживаетъ, ушелъ безъ вѣдома власти неизвѣстно куда“.

г) *Вишъ*, Училище находится „въ хорошемъ состояніи. Какъ и другія училища, такъ и это, въ

раскинутой на цѣлой милѣ деревнѣ, мало имѣтъ учениковъ. Дьякъ Боярскій, опасаясь, какъ думаютъ, привлеченія къ повстанію, самовольно (?) скрылся и доселѣ неизвѣстно, гдѣ скрывается“.

2. *Томашевское благочиніе.*

Томашевъ. „Дома для школы и особой комнаты для классныхъ занятій не имѣется. Дѣти собираются для обученія въ квартирѣ дьячка. Скамьи и доска заняты на время въ элементарной (польской) школѣ, существующей подлѣ“.

3. *Красноставское благочиніе.*

Вмѣсто вѣдомости благочиннаго, донесеніе дьячка о томъ, что училищный домъ въ д. *Джулинъ* сгорѣлъ въ 1861 году отъ помѣщицкѣй кузницы, другаго помѣщенія для училища не отведено и училищный домъ не строится: ученья нѣтъ; за 1860, 1861 и 1862 г. онъ не получилъ жалованья и, потерявъ все имущество во время пожара, находится въ безвыходномъ положеніи.—

4. *Бѣльское благочиніе.*

а) *Домазы*. „Школа не имѣтъ собственнаго помѣщенія, домъ для нее занимаетъ. Ни скамей, ни доски нѣтъ, все сгорѣло вмѣстѣ съ училищнымъ домомъ въ 1858 году. Дѣти сидятъ на простыхъ лавкахъ (*zudlach*), временно устроенныхъ, классную доску замѣняетъ столъ“.

б) *Россошъ*. „Вмѣсто скамей служатъ простыя лавки, вмѣсто доски—столъ“. Домъ исправенъ.

в) *Клеповница*. Помѣщается „въ старой плебаніи; скамьи и доска въ хорошемъ состояніи“.

г) *Бѣла*. „Помѣщеніе занимаетъ. Скамьи и доска въ хорошемъ состояніи“.

д) *Кіевецъ*. „Помѣщается въ нанятомъ домѣ. Скамей и доски нѣтъ“.

Бѣльскій благочинный Калишовскій присовокупилъ къ этой вѣдомости слѣдующія два примѣчанія: 1) „въ трехъ приходахъ бѣльскаго благочинія, *Дожудовъ*, *Горбовъ* и *Костеневицахъ* построены новые дома для училищъ, но дѣти не посѣщаютъ ихъ, по неимѣнію учителей. Эти дома заняты частными лицами и дворовою прислугою“. 2) „Въ приходахъ: *Дожудовъ* и *Ортель королевскомъ* секретные учителя и панекій дворъ руководятъ мыслями и обучаютъ дѣтей“.

5) *Лосицкое благочиніе.*

Лосице. „Помѣщеніе наемное, мебели никакой... Дьякъ-учитель Пилисъ Иванъ не представилъ никакихъ свѣдѣній о состояніи своей греко-уніятской школы; съ 1 ноября (1863 г.) обязанностей учителя не исполнялъ регулярно, а въ декабрѣ по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ скрылся, пойманъ и арестованъ русскими войсками“.

6) *Вишницкое благочиніе.*

а) *Вишницъ*. „Дьякъ-учитель Александръ Улья-

¹⁾ Уставъ 1862 г. и Объяснительная записка къ нему напечатаны въ *Материалахъ, собр. Н.А. Милютинимъ*. Тетрадь 1. Б. № 1, 2 В. № 2, 3 и 4.

ницкій въ 1863 году скрылся и доселѣ (въ декабрѣ 1864 г.) не возвращается, а потому и ученья въ школѣ не было“.

б) *Радче*. Имѣется домъ, скамьи и проч. Учителемъ показанъ Ѳеодоръ Новосадъ. Но изъ другихъ официальныхъ документовъ видно, что учитель радчесскаго училища Ѳеодоръ Новосадъ въ 1863 г. поступилъ въ ряды повстанцевъ, русскими войсками, послѣ разбитія одной банды, взятъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, содержался нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпости, потомъ прощенъ и снова допущенъ холмскимъ епископомъ-номинатомъ Калинскимъ дьяко-учителемъ въ Радче.

7) *Яновское благочиніе*.

а) *Яновъ*. „Помѣщеніе нанимается за 22½ р. въ годъ: учениковъ 8.“ (Въ томъ же 1864 году въ яновскомъ католическомъ училищѣ считалось учениковъ 64).

б) *Хотыче*. „Школьнаго дома нѣтъ. Дьякъ-учитель помѣщается въ двухъ тѣсныхъ комнатахъ въ корчмѣ Топоровской“.

8. *Межиръчское благочиніе*.

а) *Старое Межиръчье*, „Помѣщается въ церковномъ домѣ. Имѣется 4 скамьи“.

б) *Новое Межиръчье*. „Помѣщается въ наемномъ домѣ. Нѣтъ никакой мебели“.

в) *Долга*. „Домъ достаточный. Учениковъ можно помѣстить до ста. Скамей 3, доска, столъ“.

г) *Дрелевъ*. „Домъ въ среднемъ состояніи. Нѣтъ никакой мебели“.

д) *Прохенки*. „Домъ строится, еще не оконченъ. Мебели никакой“.

9) *Сополовское благочиніе*.

Сополовъ. „Помѣщается въ церковномъ домѣ. Помѣщеніе непригодное для училища, потому что тѣсное“. Мебель есть.

10) *Влодавское благочиніе*.

Два училища: въ *Влодавѣ* и *Орховкѣ* не имѣютъ помѣщенія и достаточно мебели. Благочинный въ примѣчаніяхъ къ вѣдомости заявляетъ, что 1. „Помѣщики неохотно строятъ дома для училищъ, неохотно снабжаютъ ихъ необходимыми предметами, не выдаютъ отопленія, не отводятъ огородовъ. Все это заставляеть народъ воздерживаться отъ школы и школа не достигаетъ цѣли“; 2. „Наиболѣе же, по его мнѣнію, отвращаетъ дѣтей отъ школы необученіе (?) польскому языку, каковому непременно нужно учить, дабы дѣти умѣли прославлять Бога (!), знать и исполнять мѣстныхъ распоряженій“.

Во всѣхъ училищахъ по вѣдомостямъ показаны только слѣдующія книги: *Букварь* церковно-славянскій, *Часословъ*, *Псалтырь*, *Кругъ церковнаго пѣнія*, *катохизисъ* и *азбучныя таблицы*.

(Продолженіе будетъ).

Римскій догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы.

(Окончаніе) *).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы кончили. Сведемъ же теперь всѣ добытые нами выводы въ одно общее заключеніе. Такъ:

I. Догматъ непорочнаго зачатія есть чисто произведеніе латинской Церкви. Онъ прошелъ всѣ стadiи развитія, какъ требуетъ того латинская теорія развитія догматовъ. Отъ Пасхазія до временъ Скота онъ находился въ состояніи *неразвитомъ* (implicite); со временъ Скота разъяснялся и папою Піемъ IX объявленъ разъясненнымъ (explicitum). По сознанию самихъ же латинскихъ богослововъ, онъ порожденъ средневѣковымъ благочестіемъ, и какъ нами выяснено, возникъ изъ преувеличеннаго благоговѣнія къ Богородицѣ, изъ неосмысленнаго желанія воздать Ей *должную честь*, какой прежде будтобы Церковь вселенская не воздавала Ей. Условіями, которыя благопріятствовали появленію мнѣнія о непорочномъ зачатіи, послужили, съ одной стороны, неправильныя понятія о христіанскомъ бракѣ (вслѣдствіе чего и утвердился целибатъ латинскаго духовенства), а съ другой,—неправильныя представленія о Богородицѣ, какъ олицетвореніи Божескаго милосердія. Неуправляемое разумнымъ руководствомъ, благочестіе латинянъ такъ высоко цѣнило маѣніе о непорочномъ зачатіи, что требовало отъ римскихъ первосвященниковъ утвердить оное въ качествѣ догмата Церкви. Опасаясь могущества доминиканскаго ордена, папы долго колебались удовлетворить этому мнимо-благочестивому желанію вѣрующихъ и потому, явно покровительствуя мнѣнію о непорочномъ зачатіи и ограждая его отъ нападковъ со стороны противниковъ, не осмѣливались и не рѣшались осудить мнѣніе противоположное, пока, наконецъ, орденъ іезуитовъ, затмившій собою древніе ордена и взявшій подъ свое покровительство ученіе о непорочномъ зачатіи, не довелъ этого дѣла, ради своихъ видовъ, до конца при папѣ Піѣ IX. Такъ какъ за новое ученіе нѣтъ свидѣтельствъ въ Писаніи и не имѣется непрерывнаго ряда свято-отеческихъ свидѣтельствъ въ Преданіи, то изобрѣли новое начало для опредѣленія католичности всякаго вповѣ *развившагося догмата*, въ томъ числѣ и догмата о непорочномъ зачатіи, именно—большинство голосовъ. На основаніи этого никогда не существовавшаго въ Церкви вселенской начала, латинская Церковь взяла на себя право, тоже никогда не принадлежавшее и не принадлежащее

(* См. 17 № Вѣстникъ).

Церкви, — возводить *частныя*, долго оспариваемыя и безъ осужденія отвергаемыя *мнѣнія* на стѣнень боготкровенныхъ, непререкаемыхъ и обще-обязательныхъ догматовъ вѣры, что и сдѣлала съ мнѣніемъ о непорочномъ зачатіи.

II. Какъ произведеніе чувства, хотя и благочестиваго, не неразумнаго, догматъ о непорочномъ зачатіи по существу своему представляетъ въ себѣ рядъ несообразностей болѣе или менѣе грубыхъ и невозможныхъ въ христіанскомъ вѣроученіи. Отрицательное только значеніе первороднаго грѣха, совпаденіе двухъ актовъ въ зачатіи — человѣческаго и Божественнаго, — возбужденіе къ жизни зародыша и одновременное введеніе въ него новостворенной души (или вливаніе сѣмени и вливаніе души), чрезвычайное обиліе благодати еще прежде, чѣмъ возникло сознаніе, неизмѣняемость природы Богоматери, правственное развитіе Ея вѣвъ порядковъ жизни падшаго человѣка, отсутствіе для нея испытательныхъ и искусовыхъ средствъ, столь необходимыхъ для укрѣпленія свободы въ добрѣ, — Ея участіе въ страданіяхъ и смерти Сына, какъ жертвоприносительницы, Ея Богоподобіе или подобосущіе, какъ дополненіе св. Троицы, — все это такія несообразности, которыя не терпимы въ Христіанскомъ ученіи, какъ богохульныя преувеличенія, и предъ которыми латинская Церковь остается безответною и безоружною.

III. Самыми латинскими богословами *непорочное зачатіе* мыслится какъ *исключеніе* изъ закона всеобщаго поврежденія человѣчества, какъ чрезвычайное чудо благодати. Но, какъ таковое, оно не можетъ быть ни мыслимо, ни доказано; ибо объ его существованіи, по ихъ же сознанію, нѣтъ свидѣтельствъ ни въ Писаніи, ни въ Преданіи. Всѣ доказательства, приводимыя латинскими богословами, суть логическій обманъ, превращеніе формулы догмата въ доказательство, пустое тождество или празднословіе. При этомъ обнаружилось, что латинское мышленіе пользуется особенными ему только свойственными приѣмами, каковы суть слѣдующіе: *двузначность* выраженій, т. е. усвоеніе общецерковнымъ выраженіямъ понятій латинскихъ, имъ несвойственныхъ, — *сближеніе*, *обезразличиваніе* или *отождествленіе* понятій, имѣющихъ нѣкоторое внѣшнее сходство, но совершенно различныхъ по своему существу, *признаніе* за *произвольными* и чисто *чувственно-реальными* представленіями о предметахъ духовныхъ и отвлеченныхъ *необходимаго и безусловнаго значенія*, а за конкретными представленіями значенія строгихъ математическихъ формулъ. При этомъ объяснилось и свойство самаго мышленія. Оно есть мышленіе *не по существу, а по отношеніямъ*. Какъ таковое, оно есть мышленіе *разсудочное*, формальное, внѣшнее, софистическое, — носитъ видъ мудрости, но не есть выраженіе мудро-

сти, кратко — *произвольное, субъективное*, ибо управляется не высшею силою ума, стремящагося къ познанію единыхъ вѣчныхъ законовъ бытія, а чувствомъ и воображеніемъ, и служить ихъ оправданіемъ.

Подъ вліяніемъ этихъ силъ и при такихъ качествахъ мышленія латинскіе богословы убѣдили себя въ дѣйствительности факта непорочнаго зачатія, никогда несуществовавашаго и по здравымъ законамъ мышленія невозможнаго, и дошли до такого душевнаго состоянія, что стали видѣть указанія на его существованіе повсюду, гдѣ его прежде не видѣли. — и въ Писаніи и въ Преданіи, и открыли въ нихъ доказательства, прежде никѣмъ изъ отцевъ и учителей вѣры не подозрѣваемыя. При этомъ, въ отношеніи къ Писанію и Преданію обнаружались приемы, свойственные только латинскимъ богословамъ, какъ-то: а) *неразборчивость* въ свидѣтельствахъ; латинскому благочестію все идетъ на пользу, подлинное и неподлинное, истинное и подложное; оно все въ питается, даже ложью и обманомъ, который въ такомъ случаѣ величается названіемъ *благочестиваго*; б) *открывочность* свидѣтельствъ и пользованіе ими безъ соображенія съ другими свидѣтельствами, болѣе ясными и объясняющими разумнѣе тѣхъ, какія приводятся латинами, и в) *подкрашиваніе* свидѣтельствъ своими собственными соображеніями и выраженіями.

При помощи такихъ-то приѣмовъ мнимо-благочестивое мнѣніе, полное грубыхъ и нелѣпыхъ несообразностей, выросло, окрѣпло, и заявило притязаніе на догматическое достоинство. И верховный архипастырь латинской Церкви, по свойству того же мышленія, — послѣ поста и молитвъ, въ полной увѣренности во вдохновеніи отъ Духа Божія, тройною властію, Христовою, апостольскою и своею архипастырскою, торжественно предъ лицемъ всего міра, провозгласилъ и объявилъ это нѣкогда *спрошное, частное* и многими рѣшительно отвергаемое мнѣніе, за догматъ вѣры, будтобы открытый Самимъ Богомъ, и придавъ ему такую обязательную и спасительную силу, что сомнѣвающіеся или невѣрующіе въ него католики потерпѣли крушеніе вѣры и тѣмъ самымъ отлучили себя отъ спасительной Церкви и значитъ потеряли надежду на спасеніе.

Подумайте, какая глубокая ложь заключается въ этомъ верховномъ авторитетѣ, который такъ горделиво, такъ самонадѣянно прикрываетъ божественнымъ вдохновеніемъ и Христовою властію человѣческое мнимо-благочестивое мнѣніе, по существу ни съ чѣмъ несообразное, а совнѣ прикрытое неосновательнымъ мудрованіемъ!

Восточная православная вселенская Церковь никогда не принимала и не можетъ принять сего ученія латинянъ. Восхваляя въ Богоматери чистоту, свя-

тость и непорочность, приобрѣтеныя съ помощію благодати Божіей, внутреннимъ свободнымъ подвигомъ вѣры и любви, она т. е. правосл. Церковь, никогда не обезразличивала, не отождествляла *нравственно-свободную непорочность и святость*, такъ сказать, *благоприобрѣтенную*, съ *естественною*, съ *родовою*, — съ святостію по происхожденію. Отсюда опредѣляется и разность въ нравственномъ значеніи и приложеніи къ жизни взглядовъ на зачатіе Богоматери латинскаго и православнаго. По латинскому возрѣнію, ученіе о непорочномъ зачатіи Богоматери, какъ исключеніе изъ общаго правила, лишаетъ жизнь Ея всякаго приложенія и отношенія къ нашей жизни, — тогда какъ православное ученіе объ Ея одинаковомъ со всѣми людьми происхожденіи и объ Ея подчиненіи общему богоустановленному порядку нравственнаго развитія и искупленія во Христѣ, дѣлаетъ Ея жизнь общою съ нашею жизнію и глубоко-назидательною для насъ. Такъ изъ этого ученія мы узнаемъ, а) какое великое значеніе для зараждающихся дѣтей имѣетъ благочестіе родителей и особенно матери во время чревоношенія, — и наоборотъ, какіе печальные слѣды грѣха сообщаются дѣтямъ еще въ ихъ зарожденіи отъ нечестія и развращенія родителей! Родителямъ внушается понять, что ими нѣкоторымъ образомъ предопредѣляются душевныя расположенія, настроенія и судьбы будущихъ поколѣній. Посему св. Церковь, отличивъ особыми пѣснопѣніями дѣи зачатія Богородицы и Іоанна Крестителя, тѣмъ самимъ не указываетъ ли христіанскимъ родителямъ, чтобы они, подобно праведнымъ родителямъ Богородицы и Предтечи, въ своихъ естественныхъ отношеніяхъ управлялись не столько чувственностію, сколько вѣрою и молитвою и желаніемъ умноженія чадъ Божіихъ. б) соображая при этомъ, что мы даемъ дѣтямъ нашимъ только плотское рожденіе, мы поймемъ отсюда и то, какъ необходимо стало для насъ — вторичное рожденіе, т. е. возрожденіе отъ воды и Духа, безъ котораго мы, оставаясь только плотію, ниспадали бы глубже и глубже въ область грѣха, въ плотскую жизнь, и Духъ Божій не имѣлъ бы въ насъ мѣста и оставилъ бы насъ собственной участи — растлѣнію и гибели, какъ нѣкогда Опъ оставилъ допотопный міръ и осудилъ его на гибель. „*Не имать Духъ Мой пребывать въ чловѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть*“ (Быт. 6, 3), сказалъ Господь о допотопномъ мірѣ, дошедшемъ до крайняго растлѣнія. — в) Наконецъ, представляя себѣ, что св. Богоматерь, имѣя одинаковую съ нами природу и одинаковое происхожденіе, изъ общаго порядка жизни падшаго чловѣчества, изъ состоянія поврежденнаго грѣхомъ, вознеслась на такую высоту славы, что стала выше Херувимовъ и Серафимовъ, — научимся цѣнить величіе даровъ, какое намъ открыто въ

таинствѣ воплощенія Сына Божія и нашего искупленія Его страданіями и смертію. Во второмъ откровеніи Бога, какое совершилось въ таинствѣ воплощенія, намъ открыто такое обиліе и притомъ такихъ чрезвычайныхъ даровъ, что хотя мы умалены предъ Ангелами, но по мѣрѣ нашего живаго соучастія въ страданіяхъ и смерти Христовой, по мѣрѣ усвоенія нами духа Его чловѣколюбія и по мѣрѣ нашей сообразности съ Нимъ, мы можемъ достигать если не равной славы съ Богоматерію, то по крайней мѣрѣ равной съ Ангелами. — Возчувствуемъ же невыразимую и великую благодать смотрѣнія Божія о чловѣкѣ! —

Прот. А. Лебедевъ.

ПОПРАВКИ.

Въ сочиненіи о протоіерея А. Лебедева: „Догматы непорочнаго зачатія“, вслѣдствіе затруднительности сношеній съ нимъ, особенно въ началѣ печатанія, вкрались опечатки, изъ которыхъ болѣе важныя мы считаемъ долгомъ заявить и исправить, въ предупрежденіе какихъ-либо нареканій на автора или на редакцію. Такъ:

1. Въ № 3-мъ, на стран. 39-ой, столбцѣ 1, строкахъ 17 и 18 сверху, напечатано: Разсужденія о противорѣчіяхъ *свръ*, а надо читать *свръ*. Disputationes de controversiis fidei. Это оглавленіе можно перевести двоякимъ образомъ, — или такъ, какъ переведено, если разумѣть, что Белярминъ, обличая еретиковъ, разбираетъ ихъ противорѣчія *свръ*, или возраженія противъ *свръ*; — или же съ нѣкоторымъ перифразомъ, — если разумѣть, что Белярминъ рассуждаетъ о такихъ пунктахъ въ *свръ*, которые подають поводъ къ недуманіямъ и возраженіямъ. Авторъ держался буквального перевода.

2. Въ № 4, на стр. 57, столбцѣ 1, строкѣ 13 сверху напечатано: Во времена аrianства на соборѣ *въ Римѣ* папа Либерій былъ на сторонѣ аrianъ; — надо читать: на соборѣ въ Римини.

3. Тамже, на столбцѣ 2, стр. 2 сверху напечатано: лат. *мысленій*, а нужно: *мыслителей*.

4. Тамже на строкѣ 7-ой сверху напечатано: то ученіе ложно, которое *не древне*, или *не всеобще*, а надо: за которыми нѣтъ или *древности* или *всеобщности*.

5. Въ № 9, стран. 134, стлб. 1, на 2-ой строкѣ снизу въ примѣчаніи напечатано и *поощрили* къ превознесенію чловѣчества, а нужно: и *послужили*.

6. Въ № 10 стран. 151, столб. 2, на стр. 5-ой снизу: сколько зависить отъ несвободныхъ успій, — а нужно: отъ *ея* своб. успій.

7. № 11, на стр. 168 ст. 2, строкѣ 21 сверху, — входятъ съ Нимъ въ живое *сношеніе*, а нужно: *общеніе*.

8. Тамже на стр. 169. столб. 2, стр. 4-ой снизу: — какъ чудо, какъ *искупленіе*, а надо: какъ чудо, какъ *исключеніе*.

Мнимо-славянское паломничество въ Римъ.

Письмо 6-ое и послѣднее. 20 июля.

Такою-то угрозою, обращенною къ намъ, схизматикамъ, оканчивается своя рѣчь къ славянамъ мнимый намѣстникъ І. Христа на землѣ¹⁾. Смысл намековъ Льва XIII былъ бы понятенъ и безъ комментаріевъ. Но Czas, Dzień. Poznań. и особенно Kurjer Pozn. постарались возможно ярче отгнать эти намеки и не стѣсняясь заявили, что „Россія не минуетъ своей гибели отъ нигилизма и другихъ бѣдствій, напр: неурожаевъ, голодобоковъ и казнокрадства, если не подчинится державѣ (berła) папы” и не дозволитъ миссіонерамъ изъ Познани и Галиціи стать во главѣ ея религіозныхъ дѣлъ.

Рѣчь еп. Штроссмайера выслушана была съ громкими одобреніями и возгласами—niech żyje, живіо, слава, особенно когда почтенный прелатъ говорилъ: *gdź Piotr, tamъ Церковь*, забывая совершенно объ І. Христѣ и другихъ Его св. апост. Слова же папы выслушаны были съ благоговѣйнымъ молчаніемъ. „Какъ бы ангелъ небесный говорилъ къ намъ”, умиляется корреспондентъ варшавскаго „Wieka“. По окончаніи этихъ рѣчей все паломники, какъ это положено было, подходили къ папѣ и лобызали его туфлю. Лобызаніе это продолжалось до 3-хъ часовъ, такъ что вся эта аудіенція заняла отъ 12 до 4 час. по полудни. По поводу цѣлованія этой туфли вышла забавная реплика со стороны Kurjera Pozn. въ назиданіе Dziennika. Дѣло въ томъ, что Dziennik, перепечатывая изъ нѣмецкой газеты телеграмму о церемоніи 5 іюля, допустилъ выраженіе, что „все паломники цѣловали папскую туфлю (pantofel)”. По этому поводу Kurjer читаетъ Dzienniku такую нотацию: „Редакція Dziennika должна-бы оказывать побольше вниманія къ своимъ читателямъ-католикамъ; вѣдь редакція знаетъ, что папа принималъ славянтъ-пилигримовъ не въ халатѣ и не въ туфляхъ, и что цѣлуютъ не туфлю, а мощи святыхъ (хорошо положеніе св. мощей!), расположенные въ видѣ креста на сандаляхъ (sandale) св. отца”. Скоро, впрочемъ, самъ Kurjer забылъ такъ точно описанный имъ церемоніаль цѣлованія туфли папской, и говорить о славянахъ, что они „удостоились цѣловать *ногу папы*”. Когда окончилось и цѣлованіе туфли, или ноги папской, Левъ XIII пожелалъ оказать еще одну, небывалую при такихъ церемоніяхъ, любезность славянамъ: онъ отказался отъ носилокъ и прошелъ между паломниками пѣшкомъ. Картина папы, идущаго пѣшкомъ по паркету, до того растрогала корреспондента Czas (№ 156), что онъ тотчасъ же прислалъ изъ Рима своимъ галиційскимъ читателямъ

такую картинку, послѣднія слова которой, изъ уваженія къ религіозному чувству нашихъ читателей, мы можемъ привести только въ подлинникѣ: „возвращеніе пѣшкомъ было трогательно, поистинѣ — образъ добраго пастыря¹⁾; за что паломники (lud — народъ—масса) лобызали руки, края ризъ, опустѣвшую кафедру, (гдѣ сидѣлъ св. отецъ) и носилки, — osierały o nie (т. е. о мѣста сидѣнія) medaliki i krzyże (какая мерзкая профанация святыни!), święcąc (!) je przez dotknięcie do przedmiotów, które piastowały najwyzszego kapłana! Если это не выдумка больного фанатика; то людъ, продѣлавшій подобную церемонію съ сѣдалищемъ папы, стоитъ далеко ниже въ религіозномъ отношеніи тѣхъ французскихъ и италіанскихъ папаліновъ, которые расхватили по клочкамъ тюфяки и халаты покойнаго Пія IX, какъ пѣкую святыню. Такимъ образомъ за подвигъ пѣшаго хожденія Левъ XIII былъ превознесенъ, по выраженію слова Божія, *паче всякаго бога и чтилища*, такъ какъ, сколько намъ знакомы ритуалы и обычаи языческихъ народовъ, ни одинъ изъ нихъ не доводилъ почитанія своихъ боговъ — до лобызанія ихъ сѣдалищныхъ мѣстъ. Неужели и насъ, православныхъ, господа, въ родѣ Штроссмайера и Ледоховскаго, надѣются довести до такого религіознаго кретинизма и поруганія креста Христова?! А вѣдь надѣются; мало того, почти увѣрены. Вотъ что на эту тему пишетъ Kurjer Pozn. (по поводу приѣма у Ледоховскаго): „предсказывалъ (Ледоховскій) о возвращеніи свободы богослуженія (гдѣ?) и объ обращеніи пребывающихъ въ заблужденіяхъ *какъ бы о рѣшенномъ (?) уже дѣлѣ* (dokonany czyn)“.

Для простыхъ паломниковъ, т. е. dla ludu, вышеуказанными цѣлованіями и кончили римскія торжества. Но интеллигенція славянская удостоилась еще присутствовать на такъ называемой „Академіи“ папской, т. е. на литературно-музыкальномъ вечерѣ, гдѣ знаменитѣйшіе изъ пилигримовъ, опять таки главнымъ образомъ поляки, участвовали въ славянскомъ литературномъ турнирѣ, который, по обрядности, походилъ нѣсколько на обычный для школьниковъ экзаменъ. Собраніе Академіи назначено было 6 іюля. „Не смотря на свою усталость отъ церемоній 5 іюля, папа пожелалъ лично присутствовать на этомъ вечерѣ“. Въ началѣ вечера пѣвцы папской капеллы исполняли разныя, большею частію, свѣтскія вокальныя партіи изъ оперъ Верди, Россини и др.

¹⁾ Съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что Добрый Пастырь всю жизнь свою между людьми ходилъ пѣшкомъ, не полагая въ этомъ достоинства добраго пастырства, и ни разу не носимъ былъ на носилкахъ. Р.-католическому доброму пастырю вѣряютъ въ подвигъ, что онъ одинъ разъ при такой церемоніи прошелъ пѣшкомъ!

¹⁾ См. № 17.

Польскіе корреспонденты съ восторгомъ отзываются о голосѣ знаменитыхъ взрослыхъ сопрано папской капеллы, которые „особеннымъ-де образомъ приготавлиются для этой капеллы“, хотя сказать правду, давно бы пора Льву XIII подумать объ уничтоженіи въ р. Церкви и насильственно приготавливаемыхъ пѣвцовъ—кастратовъ и невольныхъ кастратовъ священниковъ, служащихъ соблазномъ въ р.-католичес. Церкви! Но познанскимъ и львовскимъ пилигримамъ интеллигентнымъ даже и кастрація въ папизмѣ оказывается любезнымъ учрежденіемъ: *de gustibus non est disputandum*. Выслушавъ вокальную часть Академіи, пилигримы славянскіе вынуждены были (многіе вовсе не знали италіанскаго языка) выслушать еще и „длинную, утомительную“ историческую рѣчь кардинала архиваріуса папскаго—объ отношеніяхъ св. славянс. апост. къ св. престолу, въ которой „этотъ ученый мужъ, на основаніи совершенно новыхъ (sic) доселѣ нигдѣ еще необнародованныхъ, имъ самимъ по порученію Льва XIII извлеченныхъ изъ архивовъ Ватикана, документовъ неопровержимо доказалъ, что слав. апостолы не имѣли никакихъ отношеній къ византійцамъ и всю свою жизнь были въ зависимости отъ римскаго престола“. Эту рѣчь объѣзжаютъ выпустить особою брошюрой, и слѣдовало бы; такъ какъ наши польскіе корреспонденты, дѣлая свои отзывы о содержаніи этой рѣчи, наивно сознаются, что во время ея произнесенія съ италіанскими, странными и непривычными для нихъ жестами, не понимая изъ нея ни слова, они занялись разсматриваніемъ убранства собравшихся, при чемъ пальму первенства, конечно, они отдаютъ польскимъ кунтушамъ и убранству южныхъ славянъ! Слѣдовательно, едва ли могли они вѣрно передать содержаніе этой рѣчи. За этою „скучною“ рѣчью начали отличаться славянскіе пилигримы. Прежде всего, конечно, вызванъ былъ папою чрезъ двухъ кардиналовъ, полякъ, панъ графъ Тарновскій, профессоръ краковскаго университета, посѣщающій нерѣдко и нашу Варшаву для публичныхъ лекцій. Вызванный, подойдя къ воссѣдавшему на своемъ престолѣ папѣ, преклонялъ предъ нимъ колѣно, точно въ храмѣ предъ св. престоломъ Божиимъ; затѣмъ низко кланялся на право и на лѣво кардиналамъ (было ихъ болѣе 30, Ледоховскій сидѣлъ по правую руку у папы) и получалъ позволеніе произносить. Разумѣется, графъ-профессоръ одѣтъ былъ въ кунтуши и проч. и „ему даже позволено было имѣть на себѣ карабелю,—честь, какой папы удостоиваютъ только послы правительственныхъ изъ разныхъ государствъ“. (Значитъ ли это отличіе, оказанное представителю польскихъ пилигримовъ, что Левъ XIII при знаетъ славянскую федерацію уже осуществленною, а графа Тарновскаго признаетъ уже посломъ

при своемъ дворѣ отъ этого поваго государства, или можетъ быть это только фантазія Dziennika Poznajskiego,—не знаемъ). Тарновскій блистательно прочелъ стихи, болѣе или менѣе патріотическіе ¹⁾, Одынца, кс. Козмяна, Шуйскаго,—поэтовъ Литвы (?), Познани и Галиціи (?). „Папа съ интересомъ прислушивался къ звукамъ польскаго языка, милостиво улыбался и что-то любезно говорилъ Ледоховскому, хотя ничего не понималъ изъ сказаннаго польскимъ ораторомъ“. За Тарновскимъ говорилъ чехъ патеръ Штульць, потомъ Рачки и др. патеры, ибо даже такого оратора-патріота, какъ Тарновскій, для этого случая между паломниками-чехами не оказалось! Говорили затѣмъ и пѣли національныя пѣсни и другіе славяне, о которыхъ сказать было нечего польскимъ корреспондентамъ. Но особенный восторгъ слушателей вызвала „заунывная“ (еще бы!) мелодичная русская ²⁾ пѣснь, по окончаніи коей и папа и кардиналы высказали особенно громкое одобреніе. „Навѣрно, въ первый еще разъ своды папской Академіи оглашались звуками подобной пѣсни“. „Какая честь оказана русинамъ!“ Въ заключеніе чтенія, декламации и пѣнія, бискупъ Дунаевскій, отъ имени всѣхъ славянскихъ паломниковъ сказалъ на латинскомъ языкѣ краткую благодарственную рѣчь св. отцу за столь милостивый и отеческій пріемъ, оказанный славянскимъ пилигримамъ. Неизлишне замѣтить, что въ бібліотекѣ Академіи находились главнѣйшія польскія газеты. О чешскихъ, сербскихъ — ни слова.

На другой день (7 іюля) славянскіе пилигримы начали возвращаться по домамъ, конечно, на счетъ комитетовъ, въ томъ же порядкѣ, какъ ѣхали и въ Римъ; но какъ возвращались вмѣстѣ — и поляки, и чехи, и хорваты и т. д.; то они еще болѣе сблизились и сталкивались между собою, пѣли свои народныя пѣсни, говорили рѣчи, причемъ поляки особен-

¹⁾ Приводимъ, для примѣра, два—три стиха изъ стихотворенія Шуйскаго, въ честь св. Кирилла и Меодія:

I jak daleko pług i miecz polaka

W krzyżowej służbie dotarł krwią i znojem,

Дотолъ распростирилась и слава св. апостоловъ славянскихъ.

И тутъ крестъ и мечъ идутъ у поляковъ объ руку; этого мало: полякъ „несетъ службу крестоносца“, въ родѣ знаменитыхъ въ свое время нѣмецкихъ орденовъ. Очевидно, поляки и доселѣ еще не отказываются отъ подвиговъ нѣмецкихъ крестоносцевъ; только вмѣсто нѣмецкаго *Drang nach Osten*,—они пламенно желаютъ польскаго. Для Востока—одно другого стоить. Кто бы ни пролагалъ дорогу кресту мечомъ, нѣмецъ ли, полякъ ли,—все равно: результатомъ такой цивилизаторской миссіи можетъ быть кровь и порабощеніе.

²⁾ Не приведено текста этой пѣсни. Въ заунывномъ тонѣ пѣвцы русины (?) должно быть тосковали за нами, упрямыми москалями, не бывшими въ Римѣ.

но налегали на братство съ русскими. Одинъ русинъ изъ Галиціи, растроганный такою ласкою пановъ-поляковъ, произнесъ проклятiе на дѣятелей Галицкаго Народнаго Дома, Слова и др. за то, что они не поѣхали въ Римъ вмѣстѣ съ папами. Было и такъ, что когда послѣ закусокъ и угощеній развязывались сердца, уста и даже кошельки братiевъ-славянъ, то одинъ изъ ксендзовъ галицкихъ, изобразивъ страшную картину бѣдствiй херсонскихъ ссыльныхъ и варварство Россiи, предлагалъ сдѣлать складку въ пользу пяти херсонскихъ бѣглецовъ, бывшихъ тутъ же. Сложили 100 гульденовъ и сдали на руки... думаете, самихъ бѣглецовъ? Не тутъ-то было, — а кс. Смоликовскому, вѣрно изъ боязни, чтобы несчастные херсонскіе изгнанники не растеряли этихъ денегъ по пути также легкомысленно, какъ они растеряли свои ретуръ-билеты, по сообщенію кс. Стояловскаго. Намъ думается, что такъ какъ эти херсонскіе бѣглецы были подставными лицами; то и собранные для нихъ 100 гульденовъ ксендзъ С. употребитъ на усиленіе средствъ іезуитовъ — змартвухвстанцевъ для миссiи ихъ на Востокъ. Какъ бы тамъ ни было, славянскіе пилигримы благополучно возвратились во свояси; нѣкоторымъ изъ нихъ, напр. кс. Стояловскому, главному двигателю галицкаго паломничества, на родинѣ устроили торжественную встрѣчу съ хоругвями, крестами, свѣчами и т. д. и не только поляки, но и русины (sic!). Но отъ всего этого путешествiя и встрѣчъ, видно, не поздоровилось ксендзамъ-паломникамъ: газеты сообщаютъ, что еп. Дунаевскій, кс. Стояловскій — уже отирались на минеральныя воды! Впрочемъ, предъ выѣздомъ на леченіе почтенные члены Львов. палом. Комитета отправили благодарственное письмо кард. Ледоховскому, столь характерное, что мы его приводимъ почти цѣликомъ: „по зову, св. отца, пишетъ комитетъ, убогая наша провинція выслала въ Римъ до 400 пилигримовъ (одна Галиція 400, а изъ Познани навѣрно не менѣе 200). Уже такое число должно порадовать В. В., а еще болѣе прибавитъ радости фактъ, что въ этомъ числѣ ѣдутъ разомъ (spółem) поляки и русины, которые велѣдствіе фатальныхъ обстоятельствъ долго были во враждѣ, а теперь спѣшать къ общему своему отцу, какъ родные братья. Св. отецъ возжелалъ впервые въ исторiи собрать въ едино всѣхъ славянъ, и вотъ оно... исполняется *въ насъ первыхъ*, а Богъ согласія и мира устроить, что это братское примиреніе (rodanie rąk bratnich), возобновленное послѣ 3-хъ почти столѣтiй у престола (tronu) св. отца, утвердится навсегда. И то не малая честь, что тебя, В. В., папа назначилъ вождемъ славянскаго паломничества. Согреѣшила Польша, и мы это нынѣ сознаемъ, что во время своей силы и славы забыла о славянахъ и позволила опередить себя врагамъ Церкви

Божіей. И вотъ Польша чрезъ своего примаса (значить, кромѣ посланника при папскомъ дворѣ, Польша имѣетъ уже и примаса, общаго для всѣхъ поляковъ!) принимала и приводила своихъ братьевъ — славянъ къ папѣ... Эта минута, кажется, предвѣщаетъ переломъ въ міровыхъ событіяхъ и всю восточную Европу ведетъ на новые пути”. Кардиналъ Ледоховскій, послѣ аудiенціи у св. отца, по поводу славянскаго паломничества, не замедлилъ отвѣчать Львовскому Комитету благодарственнымъ письмомъ, свидѣтельствуя, что „онъ докладывалъ о письмѣ комитета св. отцу, услышалъ его одобреніе надеждамъ поляковъ и унаоветъ, что „подъ водительствомъ св. престола, славянство станетъ такимъ же твердымъ оплотомъ и противъ ереси (kacerstwa) и противъ odszczepieństwa (схизма) (Kur. Pozn. №№ 159 и 170), какимъ Польша была противъ ислама“. Въ заключеніе же всего обѣ польско-клерикальныя газеты — Kurjer Pozn. и Czas посвятили славянскому пилигримству крупнымъ приѣтомъ по передовой статьѣ, гдѣ подводятъ главнѣйшіе итоги этого пилигримства, главнымъ образомъ, конечно, *для польской справы*. Нѣсколько строкъ поважнѣе мы уже привели въ началѣ нашихъ писемъ. Теперь приводимъ и остальное. „Соотвѣтствуютъ ли результаты пилигримства, спрашиваетъ Kurjer, тому труду (utrudzeniu), тѣмъ расходамъ (kosztam) и затратамъ, какія мы, для манифестаціи (sic) нашихъ славянскихъ чувствъ приняли на себя? Первый результатъ, что мы стали *первыми* между славянами и числомъ (15 милліоновъ изъ 25 м., по счету Kurjera!) и заняли *первое* мѣсто: отецъ св. очевидно отличалъ насъ предъ другими славянами, поручая призвать къ себѣ насъ *первыхъ*. Второе, мы показали политическую зрѣлость, не навязывая славянамъ нашего языка (ср. отзывы Czasа о польскомъ языкѣ, общемъ для всей славянщины), съ нашимъ культурнымъ *превосходствомъ* (напр. предъ чехами??). Какъ поляки, мы приобрѣли и ту корысть, что *численная дружина* (именно *дружина*, какъ мы видѣли, дисциплинированная польскими ксендзами) русиновъ съ епископами подала намъ руку примиренія, а со временемъ и вся масса русиномъ будетъ раздѣлять это примиреніе (особенно, если Czasu и его коллегамъ удастся, при помощи теперешнихъ вѣнскихъ запретителей прессы, зажать ротъ „Слову“ доносами и инсинуаціями въ измѣнѣ, предательствѣ австрійскихъ интересовъ и т. д.)... Латинскій Римъ нимало не думаетъ (см. выше) навязывать славянамъ латинства и готовъ для желаннаго примиренія сдѣлать возможно большія уступки: въ этомъ могли убѣдиться пилигримы, — и это третій результатъ. Славяне, льнувшіе бывало къ Москвѣ и склонившіеся къ схизмѣ, безъ сомнѣнія навсегда излечились отъ этихъ

симпатій,—это четвертое. Россія же стоитъ съ ксилою миною (skwaszona) и пристыженная умаленіемъ ея силы и престижа между славянами—своими неславянскими (??) поступками въ Болгаріи и Сербіи“ (должно быть „болѣе по славянски—въ кунтушахъ и карабеляхъ фразерствовать у „подножія” папы, чѣмъ проливать кровь и класть сотни тысячъ жизней у подножія Балканъ—за свободу славянства!).

Слова эти, по сколькоу выражаютъ надежды поляковъ познанскихъ и галиційскихъ—этихъ новыхъ объединителей славянства стихами, кунтушами, карабелями, на возстановленіе новой Польши на счетъ славянъ, такъ ясны, что коментаріи совершенно не пужны. Но мы, во избѣжаніе всякихъ недоумѣній, приведемъ еще отрывокъ изъ другой газеты, Czas (№ 154), о значеніи слав. пилигримства.

Czas пишетъ въ передовой статьѣ слѣдующее:

„Думали, что слав. пилигримство въ Римъ разстроитъ переговоры русскаго правительства съ апостольской столицей. Пилигримство это могло быть непріятно для панславистической схизматической партіи (доказательство—рѣзкія статьи о чехахъ въ „Руси”), могло побудить дипломатовъ русскихъ выѣхать изъ Рима, чтобы не быть свидѣтелями единенія р.-католическихъ славянъ; но оно не имѣло ничего (!) вызывающаго для Россіи. Оно должно убѣдить русское правительство въ силѣ и *духовномъ* вліяніи папъ на славянство (*не духовномъ, а духовенства*); съ этимъ отчасти можно согласиться), что отнынѣ между гонимой (?) Польшею¹⁾ и схизматической Россіею стоятъ народы католическіе славянства, что съ ихъ чувствами необходимо считаться Россіи, какъ считалась она когда-то съ мнѣніемъ Запада (и блистательно поражала это мнѣніе, напр. въ 1862 г., по польскому вопросу...)

Читатели повсюду могли убѣдиться, что наши письма о слав. паломничествѣ безусловно основаны на извѣстіяхъ клерикальныхъ газетъ, что ни одного факта и даже замѣтки мы не взяли изъ неклерикальныхъ органовъ печати. Какое же можетъ быть наше заключеніе—*единственно возможное и правдоподобное*—объ этомъ паломничествѣ?

Во 1), что это чистая „манifestація” или демонстрація, направленная глав. образомъ противъ Россіи; во 2), что и еп. Штрессмайеръ, и братія Сембратовичи явились въ Римъ въ роли простыхъ статистовъ этой комедіи, а главными и единственными дѣйствующими лицами отъ начала и до конца были познанскіе и галицкіе поляки—будовничіе будущей ойчизны—подъ гегемоніей Австріи, на костяхъ славянъ

(это—отдаленная, но пламенно ими желаемая цѣль); 3) что познанскіе и галицкіе вожаки пилигримства не щадили ни „трудоу” ни „денегу” на собраніе, перевозку, содержаніе такъ называемыхъ славянскихъ паломниковъ (собственно польскихъ), а паломники изъ остальныхъ славянскихъ племенъ были большею частію ксендзы, а то и просто нѣсколько любопытныхъ напалиновъ—чеховъ и др., охотно прокатившіеся въ Римъ на чужой счетъ; роль ихъ таже, что и Сембратовичей, для показу; 4) что познанскіе и галицкіе поляки, еще ровно ничего добраго не сдѣлавшіе для славянства (злого—очень много), уже заявляютъ открыто претензіи и на *нервенство*, и на *культурное превосходство*, и на доминирующее значеніе ихъ языка въ цивилизаціи славянъ, считая ни во что рѣки крови, пролитой Россіей (за славянъ); 5) что главный и сильнѣйшій ударъ эти поляки своей манифестаціей думали нанести обаянію Россіи между славянами, съ другой стороны надѣялись запугать Россію и сдѣлать ее уступчивѣе въ римскомъ и польскомъ дѣлахъ (въ виду посольства Мосолова и Бутенева къ п.); 6) что имъ удалось увлечь и Льва XIII несбыточною мечтою—на удочку униі и сохраненія восточнаго обряда заманить Россію въ католицизмъ; 7) что православнымъ славянамъ Австріи и Балканскаго полуострова (объ униятахъ Галиціи нечего и говорить) грозитъ не малая опасность отъ со дня на день усиливающейся пропаганды польско-іезуитскихъ змартвых-встанцевъ; 8) что пытаясь *раздвоить* славянство (ничего другаго и выйти не можетъ: не пойдутъ же 80 милліоновъ свободныхъ православныхъ славянъ, не смотря на всю геніальность оо. іезуитовъ, за 15 милліонами несвободныхъ въ государственномъ смыслѣ р.-католическихъ славянъ) на западное р.-католическое—польское и восточное схизматическое русское, познанскіе и галицкіе политики играютъ въ руку нѣмцамъ, которые какъ будто ворчатъ теперь на это мнимо—славянское лицедѣйство въ Римѣ, но въ сущности очень довольны работою польскихъ близорукихъ политикановъ, а даже кое гдѣ (Германія) открыто похваляютъ за то, что слав. пилигримство въ Римъ, нанося ударъ страшному для Германіи русскому панславизму, и „вбивая кливъ въ славянство”, обезопасиваетъ Германію отъ Россіи и развязываетъ ей руки, и наконецъ въ 9) что, при такихъ въ послѣднее время часто повторяющихся демонстраціяхъ, Россія должна зорко слѣдить за своими западными (русскими) границами, чтобы тамъ ни подъ какимъ видомъ не допустить пановъ изъ Познани и Галиціи *черезъ хохломанію и колонизацію какъ польскихъ выходцевъ* (напр. на Волыни), такъ и польскихъ кнѣзь въ Литвѣ—подготовлять почву для будущей Австро-Польской феде-

¹⁾ Какимъ образомъ можетъ Россія гнать Польшу, значительная часть которой подъ Пруссіей и Австріей, непонятно.

раціи славянства. Чехамъ же (особенно Ригеру), еще разъ повторяемъ, слѣдуетъ внимательнѣе прочитать *Dyaryusz Unii Lubelskiej*.

Свящ. А. Демьяновичъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Небывалое торжество въ Холмской Руси.

Господинъ Оберъ-Прокуроръ св. Синода отъ 8 истекшаго августа увѣдомилъ Его Высокопреосвященство, „что Сѣдлецкій Губернаторъ, Генераль-Маіоръ Москвинъ, сообщивъ, что жители с. Долгобродъ вѣрнопочтенной ему губерніи, отличавшіеся во время воссоединенія мѣстныхъ униатовъ съ православною церковію особеннымъ упорствомъ, съ теченіемъ времени сдѣлались преданнѣйшими сынами церкви и что благотворная эта перемѣна явственно выразилась въ 1880 году во время празднованія крестьянами села Долгобродъ 25-лѣтія царствованія Государя Императора Александра Николаевича, ходатайствовалъ о поднесеніи Его Императорскому Величеству доставленной крестьяниномъ упомянутаго села Емельяномъ Быскошемъ иконы Христа Спасителя.

„По всеподданнѣйшему моему докладу о семъ и по поднесеніи сказанной иконы Государю Императору, Его Величество благосклонно принявъ оную, въ 25 день февраля 1881 года Высочайше повелѣть изволилъ: „благодарить жеротворителей, а въ церковь с. Долгобродъ послать, какъ даръ Его Величества, священную хоругвь“.

„Во исполненіе таковой Высочайшей воли покойнаго Государя Императора Александра II, препровождая при семъ къ Вашему Преосвященству изготовленную нынѣ, согласно Вашимъ указаніямъ, священную хоругвь для церкви с. Долгобродъ, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь Архипастырѣ, сдѣлать зависящее распоряженіе объ объявленіи означенной Высочайшей воли прихожанамъ названной церкви и о передачѣ въ оную препровождаемой у сего, священной хоругви“.

Препровожденная хоругвь, длиною 2½, а шириною 1¼ аршина, шита золотомъ по красному бархату и обложена золотомъ бахрамою съ тремя золотыми кистями и къ ней вызолоченное древко съ золотымъ шнуркомъ и двумя такими же кистями. На ней съ одной стороны изображена масляными красками на холстѣ икона Холмской Божіей Матери, а съ другой икона св. Благовѣрнаго В. Князя Александра Невского, а подъ ними съ обѣихъ сторонъ хоругви вышита золотыми славянскими буквами надпись: „Высочайшій даръ Его Величества Императора Александра II въ Долгобродскую церковь въ поощреніе любви прихожанъ къ православію и братству о Христѣ“. Какъ значится въ накладной, стоитъ 450 рублей. По полученіи хоругви 14 августа была она сдана начальнику Бѣльскаго уѣзда, въ которомъ состоятъ с. Долгоброды, для доставленія оной по назначенію ко времени прибытія туда Его Высокопреосвященства, такъ какъ Архипастырѣ вознамѣрился самъ отправиться въ с. Долгоброды и лично объявить его прихожанамъ Высочайшую волю, назначивъ для сего воскресный день 23 августа.

Августа 20 Высокопреосвященный Леонтій, Архипастырѣ Холмско-Варшавскій со свитою изволилъ отправиться по Брестской желѣзной дорогѣ въ единственный въ привислинскомъ краѣ яблочинскій свято-Онуфріевскій древле-православный монастырь, лежащій на р. Бугѣ, и по пути слѣдованія посетилъ церкви въ посадѣ Писчацѣ и с. Заболотѣ гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ и прихожанами, поднесшими Ему хлѣбъ и соль, и позднимъ вечеромъ прибылъ благополучно въ монастырь.

Слѣдующій день провелъ Архипастырѣ въ собесѣдованіи съ монастырскою братією, обзорѣніи монастырскихъ зданій и обратилъ особенное вниманіе на устроенную настоятелемъ монастыря архимандритомъ Наркисеомъ, безъ пособія со стороны казны и единственно на скудные монастырскія средства, плотину, давшую другое направленіе руслу Буга, постепенно подрывавшему и подмывавшему прилежащій къ монастырю берегъ и угрожавшій уничтоженіемъ онаго.

Въ субботу 22 числа совершена Имъ была въ монастырской церкви Литургія. Въ монастырѣ сдѣланы были чрезъ благочиннаго П. Бѣльскаго Округа, въ которомъ состоитъ Долгобродскій приходъ, всѣ распоряженія къ предстоящему въ немъ церковному торжеству.

Вѣсть о семъ небываломъ въ Холмской Руси торжествѣ быстро распространилась по всѣмъ окрестнымъ селамъ и деревнямъ, и православные жители оныхъ съ ранняго утра 23 числа поспѣшили въ село Долгоброды, чтобы быть участниками онаго и вмѣстѣ со своимъ Архипастырѣмъ помолиться за упокой блаженной души Царя-Освободителя, взыскавшаго ихъ Своею Монаршею милостію за нѣсколько лишь дней до мученической Своей кончины.

Кромѣ множества народа, къ этому дню въ Долгоброды прибыли: изъ Сѣдлца — начальникъ губерніи, генераль-маіоръ Д. О. Москвинъ, начальникъ учебной дирекціи и жандармскій губернскій начальникъ, изъ Бѣлы — предсѣдатель сѣзда мировыхъ судей, комиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ и жандармской уѣздный начальникъ, изъ Влодавы — комиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ и судебный слѣдователь, а также Бѣльскій и Влодавскій уѣздные начальники со своими помощниками.

Ровно въ 10 часовъ утра Его Высокопреосвященство изволилъ прибыть изъ Яблочинскаго монастыря вмѣстѣ съ настоятелемъ онаго въ Долгобродскую церковь, гдѣ Его прибытія въ священныхъ облаченіяхъ ожидали, кромѣ мѣтнаго священника Владиміра Заткалика, семь настоятелей церквей: Любенской, Ганенской, Коденской, Славатычской, Хорощенской, Рожанской и Голешевской, а также помощникъ настоятеля Заболотской церкви. Послѣ входной молитвы и облаченія, Архипастырѣмъ совершенъ былъ крестный ходъ на омываемую длиннымъ рукавомъ (бродомъ) Буга Долгобродскую площадь, гдѣ было для Него устроено возвышеніе въ видѣ бесѣдки, украшенной зеленью и цвѣтами, и гдѣ у наоя красовался Царскій даръ — священная хоругвь, поддерживаемая Емельяномъ Быскошемъ и Емельяномъ Баемъ, по почину которыхъ Долгобродскіе прихожане постановили поднести Царю-Освободителю икону Христа Спасителя. Послѣ освященія хоругви Архипастырѣ обратился къ народу съ слѣдующею рѣчью.

Долгобродскіе прихожане!

Великій нынѣ у васъ день; великое у васъ тор-

жество, которое запишетъ исторія на память вѣкамъ грядущимъ. И не для однихъ васъ радостно событіе, собравшее нынѣ насъ сюда, — оно въ высокой степени отрадно и утѣшительно для всѣхъ насъ, для всѣхъ православныхъ христіанъ, для всего здѣшняго края.

Освятить хоругвь сію — даръ блаженной памяти Государя Императора Александра II, могу ли я не упомянуть теперь о томъ, какъ Онъ былъ добръ, какъ любилъ народъ свой, сколько для него сдѣлалъ? Вы знаете, вы не можете не знать Его благодѣяній для народа, и въ частности для здѣшняго края. Но Богъ не судилъ Ему видѣть зрѣлый плодъ добра Имъ посѣяннаго. Всю жизнь терпѣлъ Онъ огорченія отъ всякихъ своеволій и нестроеній, которыя доходили до Его свѣдѣнія. Такъ, къ сожалѣнію, на свѣтѣ бываетъ: чѣмъ болѣе добра дѣлаетъ человекъ, тѣмъ больше бываетъ ему искушеній отъ неблагодарности людской. Кто имѣлъ больше права на самую горячую признательность отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ не покойный Государь? А Онъ пострадалъ за свою благодѣтельность. Злодѣи неблагодарные, безбожные — порочные люди предательски убили Его, лучшаго изъ Царей, украшеніе челоуѣчества.

Сердечно радовался Императоръ Александръ Николаевичъ, когда услышалъ о возвращеніи уніатовъ древней Холмской Руси въ единеніе съ православною Церковію, и съ Нимъ Самимъ во вѣрѣ. Но явившіяся потомъ нестроенія, безнорядки въ нѣкоторыхъ приходдахъ здѣшняго края глубоко огорчали Его добрую душу.

Но вотъ за нѣсколько дней до блаженной кончины Государя, докладываютъ Ему, что Долгобродскіе прихожане, прежде чуждавшіеся православною Церковію, рѣшились быть послушными Ея чадами; а во свидѣтельство своей преданности Царю и Церкви въ память достославнаго двадцатипятилѣтія Его царствованія въ лицѣ своихъ представителей подносятъ Ему икону Спасителя.

Это извѣстіе доставило покойному Государю живѣйшую радость. Онъ говорилъ: скажите Долгобродскимъ прихожанамъ, что они меня утѣшили. Благодарите ихъ за икону; она останется у меня памятникомъ того, что русскіе люди отъ сердца желали соединиться съ братьями великой семьи, и пребыть православными въ одной вѣрѣ и въ одной Церкви со Мною, со всѣмъ народомъ. Пусть-же имъ и всему народу Холмской Руси будетъ во свидѣтельство утѣшенія Моего и вѣры Моей — братская хоругвь, которую жертвую въ храмъ Долгобродскій. Пусть она созываетъ всѣхъ овецъ заблудшихъ зем-

ли и Церкви Русской къ единому пастырю и въ единое стадо. Какія драгоценныя слова!

Счастливы вы, Долгобродскіе прихожане, что въ послѣдніе дни Царя нашего мученика и радѣтеля о народѣ доставили Ему минуту утѣшенія посреди царственныхъ скорбей и заботъ Его. Будете ли вы дорожить милостію царскою? О, не оставайтесь неблагодарными предъ Государемъ. Неблагодарность — самый черный порокъ. Докажите же свою благодарность самымъ дѣломъ — ревностію къ вѣрѣ православной. Пусть ни одинъ изъ здѣшней мѣстности не останется внѣ ограды православной Церкви, къ которой принадлежали предки ваши, и отъ которой отторгла васъ хитрость людская. Докажите свою благодарность молитвою за покойнаго Государя, и совершенною, полною преданностію нынѣ царствующему Государю Императору Александру III-му.

Императоръ Александръ Александровичъ въ точности исполнилъ велѣніе своего Вѣнценоснаго Отца. Въ Его царствованіе уже и отъ Него получаете вы завѣщанную державнымъ Его родителемъ хоругвь. Покажите же себя достойными Его отеческой милости, — дайте обѣтъ быть всегда вѣрными Его слугами во всемъ, точными исполнителями Его законовъ, покорными мѣстной власти, послушными чадами православною Церкви. Исполняя по совѣсти долгъ вѣрноподданнической, вы тѣмъ самымъ выразите благодарность за Высочайшій даръ.

Велѣдъ за рѣчью совершена панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ II. При трогательномъ пѣніи архіерейскими пѣвчими умилительной пѣсни „со святыми упокой и вѣчной памяти“ всѣ молящіеся преклонили колѣни и съ благодарными слезами на глазахъ вознесли свои сердечныя — задушевные молитвы къ престолу Царя Небеснаго объ упокоеніи блаженной памяти Царя-Освободителя.

Предшествуемый новоосвященною хоругвію, крестный ходъ, при пѣніи тропаря „Спаси Господи люди Твои“, съ площади обратно направился въ храмъ, гдѣ Архипастыремъ въ сослуженіи архимандрита Яблочинскаго монастыря, одного протоіерея и шести священниковъ, совершена была, при многочисленномъ стеченіи народа, наполнявшаго и церковь и погостъ, Божественная литургія. Торжественное архіерейское богослуженіе, стройное пѣніе хора пѣвчихъ произвели обаятельное и глубоко трогательное впечатлѣніе на молящихся и не удивительно поэтому, что умилительное настроеніе, проявившееся въ народѣ во время панихиды, не оставило его во все продолженіе литургіи, при окончаніи которой связано было Архипастыремъ поученіе, примѣнительно къ священнымъ изображеніямъ и надписи на Царской хоругви.

Онъ поучалъ народъ, что икона Божіей Матери, именуемая Холмскою, съ давнихъ временъ была свято чтима всѣми обитателями Руси Холмскою, которой она была защитницею и покровительницею, что притекающихъ къ ней и теперь съ теплою молитвою и сердечною любовію Пречистая Матерь Божія, какъ благосердая Матерь не оставляетъ своею помо-

цію и заступленіемъ, и что, если онъ пребудетъ твердо и непоколебимо въ вѣрѣ православной и будетъ во всемъ поступать по заповѣдямъ Христа Спасителя, то Она умолитъ Сына Своего и Бога нашего даровать ему все потребное для временной и вѣчной жизни; поучаль, что св. Благовѣрный В. Кн. Александръ, наименованный Невскимъ за славную побѣду надъ врагами отечества на р. Невѣ, былъ и есть покровителемъ трехъ Тезоименитыхъ ему Царей нашихъ, что Онъ отличался не только храбростію на поляхъ битвы, но былъ истиннымъ поборникомъ и защитникомъ православной вѣры и Церкви, что Онъ былъ и ревностнымъ исполнителемъ всѣхъ ея предписаній и уставовъ, и этимъ стяжалъ себѣ славное имя на землѣ и неувыдаемый вѣнецъ славы на небѣ, что и мы содѣлаемся соучастниками Его славы, если будемъ подражать Ему въ твердости въ вѣрѣ православной и святой Его жизни; поучаль, наконецъ, что и самая надпись на Царской хоругви, дарованной ему въ поощреніе любви къ православію и братству о Христѣ, да будетъ постояннымъ и нагляднымъ напоминаніемъ о Царской милости къ нему и побужденіемъ съ особенною любовію хранить свою православную вѣру, которую исповѣдывали его предки и которую исповѣдуетъ благодѣющій ему Царь и весь народъ русскій, съ которымъ онъ теперь неразрывно соединенъ не только узами родства, но и вѣры. „Храните братство о Христѣ, закончилъ Архiepастырь, какъ залогъ вашего христіанскаго преуспѣянія на землѣ и будущаго блаженнаго воздаянія на небѣ!“

Послѣ поученія, содержаніе котораго передано нами въ весьма краткихъ и неполныхъ выраженіяхъ, отслужено было молебствіе о здравіи и долголетіи Государя Императора Александра Александровича и всего Царствующаго Дома.

Не смотря на продолжительность богослуженія неутомимый въ служеніи Архiepастырь, по окончаніи онаго, Самъ раздавалъ народу живописныя на бумагѣ иконы Божіей Матери, по преимуществу холмской, кievской и почаевской, а также крестики и книги, которыя народъ принималъ съ усердіемъ и рвеніемъ.

Во все время службы погода стояла ясная и теплая и самый вѣтеръ, который съ необычайною силою бушевалъ всю предшествовавшую ночь, къ утру умѣрилъ свои порывы и не помѣшалъ совершиться этому по истинѣ народному празднику со всею подобающею торжественностію.

Такъ совершилось небывалое торжество въ Холмской Руси, которое надолго останется въ памяти не однихъ только долгobродскихъ прихожанъ. Вѣсть о Царской къ нимъ милости пронесется и по всему Подлясью и Холмщинѣ и, дастъ Богъ, спасительно подѣйствуетъ на умы и сердца добраго и набожнаго, но еще темнаго русскаго народа этихъ странъ и, по самой этой простотѣ и малоразвитости, легко увлекаемаго злонамѣренными людьми, всегда готовыми, при малѣйшемъ къ тому поводѣ, дѣлать его орудіемъ своихъ коварныхъ интригъ противъ православія и русской народности. Но раньше или позже истина восторжествуетъ надъ ложью, свѣтъ осилитъ тьму, и тогда этотъ простой народъ, еще такъ недавно возвратившійся къ прародительской своей

вѣрѣ, при ревностномъ и благоразумномъ усердіи своихъ пастырей, утвердится въ православіи и будетъ единѣми усты и единѣмъ сердцемъ прославлять Единого Бога во Святой Троицѣ покланяемаго со всеми старшими братьями своими о Христѣ русскими-православными. При этомъ не можемъ не вспомнить и о другомъ знаменательномъ событіи, бывшемъ въ 1878 году 28 апрѣля, въ день Преполовенія. Въ этотъ день Архiepастырь, впервые объѣзжая свою епархію, послѣ богослуженія въ возсоединенной въ 1875 году тернопольской церкви, совершилъ, по обычаю православной Церкви, крестный ходъ на р. Бугъ, ту самую, вблизи которой находится и село Долгobроды, и въ ней освятилъ воду погруженіемъ честнаго и животворящаго креста Господня какъ бы въ знаменіе освященія и просвѣщенія истиннымъ свѣтомъ Христовымъ всей при-Бугской страны, искони населенной русскимъ народомъ, а теперь въ Долгobродахъ водрузилъ на берегу той же рѣки побѣдное знамя Церкви — хоругвь, даръ Царя-Освободителя. Не ясно ли для несмежающихъ упорно очи свои, что эти два знаменательныя событія служатъ провозвѣстниками торжества Церкви православной въ странѣ между Бугомъ и Вислою, исконномъ достояніи русскихъ-православныхъ великихъ князей?

Протоіерей Климентъ Чеховичъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышла въ свѣтъ новая книга:

СЛОВА И РѢЧИ

КЪ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ ПАСТВѢ
ЛЕОНТІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ХОЛМСКАГО И ВАРШАВСКАГО.

Выписывать можно въ канцеляріи Архiepископа и у книгопродавца въ Варшавѣ Истомина и въ книжномъ магазинѣ Русской Книжной Торговли.

Цѣна книги съ пересылкою 1 р. 50 к.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Объявленія и извѣстія: 1) Награжденіе священника орденомъ св. Владиміра 4-ой степени за пятидесятилѣтнюю службу въ санѣ священника; 2) Назначеніе на законоучительскія вакансіи; 3) Къ свѣдѣнію духовенства относительно стараго икопостаса и крестовъ съ куполовъ Сувалкской церкви; 4) Благодарность епархiальнаго начальства за попеченіе о благоустройствѣ церкви.— Отдѣлъ II. Князь В. А. Черкасскій и холмскіе греко-уніаты Е. Крыжановскаго.—Римскій догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы, прот. А. Лебедева. (Окончаніе).—Мнимо славянское паломничество въ Римъ, свящ. А. Демьяновича (окончаніе).—Извѣстія и замѣтки: Небывалое торжество въ Холмской Руси.—Объявленіе.

Редакторы: Протоіерей І. Корженевскій
Священникъ А. Демьяновичъ.

Печатать дозволяется. — Варшава, 12 сентября 1881 года. — Цензоръ, ключарь протоіерей Н. Чеховичъ.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Королевская № 11.